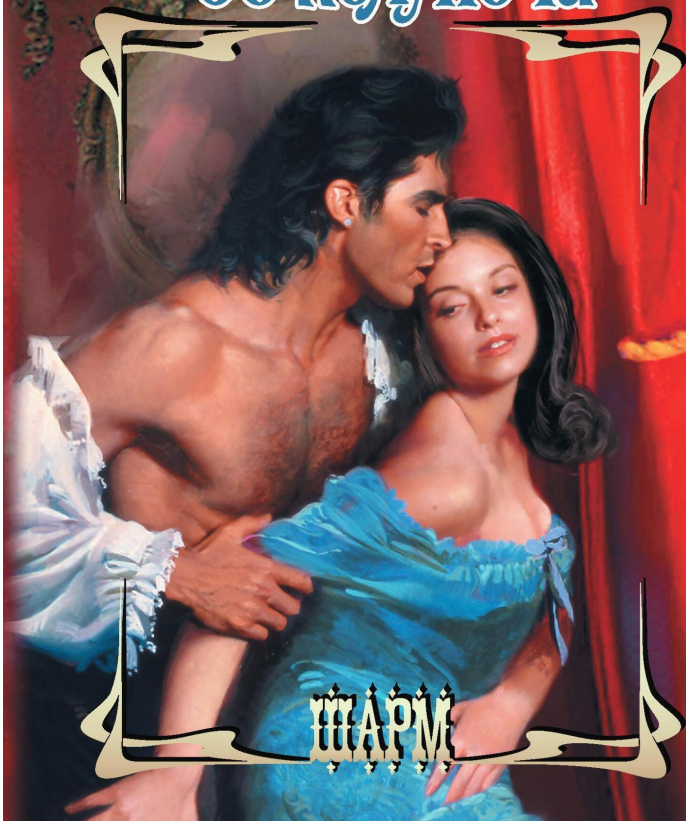

ЛИЗА КЛЕЙПАС

Моя до полуночі

ШАРМ

Лиза Клейпас
Моя до полуночи
Серия «Семья Хатауэй», книга 1
Серия «Шарм (АСТ)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172887*

*Моя до полуночи. Роман: АСТ, АСТ Москва, Владимир, ВКТ; Москва;
2023
ISBN 978-5-17-134346-0*

Аннотация

Кэм Роан красив, богат, загадочен. Он владеет клубом с дурной репутацией и, по слухам, связан с лондонским преступным миром. Иначе говоря, он не джентльмен и дамы должны бежать от него как от чумы. Однако у Амелии Хатауэй есть свои, и весьма веские, причины искать знакомства с этим опасным человеком. Ведь Кэм единственный, кто может избавить ее беспутного брата от громкого скандала. В отчаянии Амелия предлагает Роану себя – в обмен на спасение брата. Однако Кэм, с первого взгляда пылко влюбившийся в Амелию, стремится обладать не только телом гордой красавицы, но и ее сердцем.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	66
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Лиза Клейпас

Моя до полуночи

Роман

Lisa Kleypas
Mine Till Midnight

*** * ***

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Lisa Kleypas, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Глава 1

Лондон

Осень 1848 года

Найти человека в почти двухмиллионном городе – задача не из легких. Хорошо еще, если поведение этого человека предсказуемо, тогда можно хотя бы попытаться найти его в определенной таверне либо в винной лавке. Но даже в таком случае поиск будет затруднительным.

«Где ты, Лео?» – в отчаянии думала мисс Амелия Хатауэй. Бедный, сумасбродный, несчастный Лео. Некоторые люди просто теряются перед лицом невыносимо тяжелых обстоятельств. Именно так случилось с ее прежде вполне предсказуемым братом. А сейчас он, вероятно, перешел уже границу отчаяния и не остается надежды его спасти.

– Мы найдем его, – сказала Амелия с уверенностью, которой вовсе не чувствовала. Она взглянула на сидевшего напротив нее цыгана, но смуглое лицо было непроницаемым. Впрочем, ничего необычного, Меррипен был человеком с крайне ограниченными эмоциями. Он был настолько сдержанным, что, даже прожив в семье Хатауэй пятнадцать лет, так никому и не сказал, как же его на самом деле зовут. С того дня как его нашли избитым и без сознания на берегу ручья, протекавшего по их имению, они знали его просто как Меррипена.

Когда Меррипен пришел в себя и увидел окруживших его любопытных членов семьи Хатауэй, он поднял настоящий бунт. Пришлось силой заставить его оставаться в постели и уверить, что если он не будет лежать смирно, ему станет только хуже. Отец Амелии пришел к выводу, что мальчику повезло остаться в живых после страшной охоты на цыган, которую время от времени предпринимали местные землевладельцы: они садились на коней, вооружались ружьями и дубинками и безжалостно расстреливали и избивали цыган, чтобы очистить от них свои владения.

– Они, по-видимому, решили, что мальчик мертв, – рассудил мистер Хатауэй. Он был человеком образованным и придерживался прогрессивных взглядов, осуждая насилие в любой его форме. – Боюсь, что связаться с его соплеменниками нам не удастся. Они, скорее всего, уже ушли далеко.

– Можно, чтобы он у нас остался, папа? – с жаром воскликнула младшая сестра Амелии Поппи, не обращая внимания на Меррипена, который оскалил зубы, словно волчонок, видимо, опасаясь, что может стать для этой девчонки новой игрушкой.

– Он может жить у нас сколько захочет, – улыбнулся мистер Хатауэй. – Но я сомневаюсь, что он останется дольше чем на неделю. Цыгане – кочевой народ. Они не любят долго задерживаться на одном месте. Им кажется, что тогда они перестают быть свободными.

Меррипен, однако, остался. Сначала он был маленьким и

худеньким мальчиком, но потом с пугающей быстротой вырос в здорового и крепкого мужчину. Трудно сказать, кем был Меррипен: вроде не член семьи, но и не слуга. Хотя он работал на семью Хатауэй – был и кучером, и мастером на все руки, – но, когда хотел, ел с ними за одним столом, и его спальня была в основной части дома.

Теперь, когда Лео исчез и, видимо, попал в беду, само собой подразумевалось, что Меррипен поможет его найти.

Вообще-то было не совсем прилично, что Амелия отправилась в Лондон в компании такого мужчины, как Меррипен. В свои двадцать шесть лет она не очень-то нуждалась в сопровождении.

– Мы начнем с того, что исключим места, куда Лео точно не пойдет, – с энтузиазмом сказала Амелия. – Это церкви, музеи, высшие учебные заведения и районы, где живут богатые аристократы.

– Все равно остается почти весь город, – недовольно проворчал Меррипен.

Меррипен не любил Лондон. По его мнению, образ жизни людей так называемого цивилизованного общества был куда более диким и примитивным, чем это встречается в природе. Если бы ему пришлось выбирать – провести час в берлоге дикого кабана или в светской гостиной, он, не колеблясь, предпочел бы берлогу.

– Наверное, придется начать с таверн, – продолжала Амелия, не смущаясь его недовольством.

Меррипен бросил на нее мрачный взгляд:

– А вы знаете, сколько в Лондоне таверн?

– Нет, не знаю, но до конца дня я это выясню.

– Мы не поедем по тавернам. Лео пойдет туда, где он наверняка попадет в беду.

– И куда же? Может, ты знаешь такое место?

– «Дженнерс».

«Дженнерс» был игорным клубом, куда ходили джентльмены, чтобы вести себя не по-джентльменски. Он был основан бывшим боксером Ивом Дженнером. После смерти владельца клуб несколько раз переходил из рук в руки, а в данный момент принадлежал зятю Дженнера лорду Сент-Винсенту. Далеко не безупречная репутация лорда лишь увеличивала привлекательность заведения.

Членство в этом клубе стоило целое состояние. Лео настоял на том, чтобы вступить в клуб спустя три месяца, как унаследовал свой титул.

– Если уж ты задумал умереть от пьянства, – не без сарказма сказала ему тогда Амелия, – то хотя бы выбери место, которое можешь себе позволить.

– Но я теперь виконт, – высокомерно заметил Лео, – и должен вести себя соответственно. Иначе что скажут люди?

– Скажут, что ты мот и дурак, а титул мог с тем же успехом перейти к мартышке.

Этот выпад вызвал у ее красивого брата лишь усмешку.

– По-моему, это сравнение несправедливо по отношению

к мартышке.

Амелия тряхнула головой, словно отгоняя нахлынувшие воспоминания. Тревога все возрастала. Холодными пальцами она сжала виски. Лео и раньше внезапно исчезал, но на этот раз его отсутствие затянулось, как никогда.

– Мне еще не приходилось бывать в клубе, – сказала она Меррипену. – Это будет мой первый визит.

– Вам не разрешат войти. Вы леди. Но даже если разрешат, то я не позволю.

Амелия посмотрела на него с удивлением. Меррипен редко что-то ей запрещал. По правде говоря, заявление цыгана вызвало у нее раздражение. Она не собирается соблюдать светские приличия в момент, когда на карту поставлена жизнь ее брата. Кроме того, любопытно взглянуть на это привилегированное убежище для мужчин. Поскольку она, очевидно, обречена на участь старой девы, то может по крайней мере позволить себе насладиться маленькими радостями.

– А тебя туда тоже не впустят, – возразила Амелия. – Ты ведь цыган.

– Так случилось, что управляющий клуба тоже цыган. Это было необычно. Даже странно. Цыгане считались ворами и мошенниками. Было просто поразительно, что цыгану доверили управлять денежными средствами, не говоря уже о том, чтобы разрешать споры, возникавшие у игровых столов.

– Он, должно быть, необыкновенный человек, раз занимает такое положение, – помолчав, заметила Амелия. – Хорошо, я позволю тебе сопровождать меня, когда мы войдем в клуб. Твое присутствие, возможно, сделает управляющего более сговорчивым.

– Спасибо, – сухо ответил Меррипен.

Между тем их крытая коляска въехала в центральную часть города, где были сосредоточены магазины, театры и всевозможные увеселительные заведения. Они ехали по широким улицам мимо красивых площадей, великолепных домов с колоннами и красиво подстриженными оградами из зелени.

Центр столицы был незнаком Амелии. Хотя их поместье и находилось недалеко от Лондона, ее семья редко бывала здесь, тем более в этом районе. Даже теперь, получив наследство, они не могли позволить себе праздные траты.

Глянув на Меррипена, Амелия удивилась тому, что цыган, без сомнения, знает, куда надо ехать, хотя он так же мало знаком с городом, как она. Но Меррипен обладал природным даром везде находить правильную дорогу.

Они свернули на Кинг-стрит, ярко освещенную газовыми фонарями. Вдоль мостовой стояло множество экипажей, тротуары были заполнены людьми, спешившими весело провести вечер. Закатное солнце окрасило горизонт, на фоне которого высокие здания торчали, словно зубы гигантских ведьм.

Меррипен направил коляску в узкую улочку позади огромного здания с внушительным фасадом. Это и был клуб Дженнера. Внутри у Амелии все сжалось. Было бы нереальным везением, если им удастся в первом же месте найти брата.

– Меррипен? – напряженным голосом сказала Амелия.

– Да?

– Тебе, верно, надо знать, что если мой брат еще не умудрился убить себя, то, когда мы его найдем, я застрелю его сама.

– Я вложу в вашу руку пистолет.

Амелия улыбнулась и поправила шляпку.

– Тогда пойдем. И помни – говорить буду я.

Запах в переулке был отвратительным. Пахло улицей, животными, помойкой и угольной пылью. Давно не было дождя, и грязь скапливалась на боковых улочках. Амелии пришлось резво отскочить в сторону, чтобы не наступить на крысу, пробежавшую вдоль стены дома.

В конце переулка двое уличных мальчишек, скрючившись у крошечного костра, жарили что-то на длинных палках. Амелии не захотелось задумываться над тем, что именно они жарят. Ее взгляд остановился на группе взрослых – трех мужчинах и женщине, освещенных неровным светом костра. Двое мужчин пытались драться, но были так пьяны, что их драка больше походила на цирковое представление танцующих медведей.

На женщине было яркое платье с большим вырезом. Она громко хохотала. Ее, видимо, веселило, что двое мужчин из-за нее дерутся. Третий пытался разнять приятелей.

– Эй, вы, парни, – кокетливо крикнула женщина, – я же сказала, что приму вас обоих! Незачем петушиться.

– Не вмешивайтесь, – предупредил Меррипен Амелию.

Но Амелия, притворившись, что не расслышала, подошла ближе. Дело не в том, что ее заинтересовала эта ссора – даже в их мирном поместье Примроуз-плейс случались драки. Все мужчины, независимо от их положения, время от времени становились рабами своих низменных инстинктов. Внимание Амелии привлек третий мужчина, тот, который встал между пьяными и пытался их урезонить.

Он был хорошо одет, как настоящий джентльмен, но... было видно, что он не джентльмен. У него были выющиеся темные волосы, он был смугл и вообще выглядел чужеземцем. И он двигался с грацией дикой кошки, стараясь избежать случайных ударов.

– Милорды, – увещевал он их спокойным голосом, подставляя руку, чтобы защититься от удара кулаком. – Или вы сейчас же перестанете драться, или я буду вынужден... – Он отскочил в сторону, заметив, что стоявший позади него мужчина собирается наброситься на него.

Проститутка рассмеялась:

– Вижу, они тебя довели сегодня, Роан!

Но Роан вернулся на свое место между пьяными.

– Милорды, вы, конечно, знаете, – он быстро присел, потому что над ним снова просвистел кулак, – что насилием ничего не решается.

– Пошел к черту! – зарычал один из драчунов и, нагнув голову, решил боднуть Роана, словно обезумевший козел.

Роан отступил, позволив нападавшему врезаться головой прямо в стену дома.

Второй мужчина вместо благодарности прорычал:

– Будь ты проклят, Роан! Не вмешивайся! Я бы сам выпустил из него кишки! – Размахивая кулаками, он набросился на Роана.

Однако и его Роан очень быстро уложил на землю. Стоя над повергнутым, он шутливо спросил:

– Успокоились? Да? Очень хорошо. А теперь позвольте помочь вам встать, милорд. – Роан оглянулся на открытую дверь, ведущую в клуб, где стоял один из служащих, и приказал: – Доусон, проводите лорда Латимера к его экипажу. А я поведу лорда Селуэя.

– В этом нет необходимости, – сказал аристократ, поднявшись. Он явно протрезвел. – Я сам дойду до своей чертовой кареты. – Отряхнувшись, он добавил: – Я хочу тебя кое о чем попросить, Роан.

– Да, милорд?

– Если об этом узнают... если леди Селуэй узнает, что я дрался, чтобы завоевать благосклонность падшей женщины... моя жизнь не будет стоить ни гроша.

– Она никогда не узнает, милорд, – уверил его Роан.

– Она всегда все узнаёт. Она в союзе с дьяволом. Если тебя спросят об этой незначительной ссоре...

– Она случилась из-за особенно азартной игры в вист, – был спокойный ответ.

– Да, да. Ты хороший человек. – Селуэй похлопал Роана по плечу. – А чтобы тебе было легче держать язык за зубами... – Он достал из кармана жилета небольшой мешочек.

– Нет, милорд. – Роан отступил на шаг и решительно потряс головой, так что его черные кудри блеснули в свете фонаря.

– Возьми, – настаивал аристократ.

– Не могу, милорд.

– Деньги твои. – Селуэй швырнул мешочек под ноги Роана. – Так что решай сам – возьмешь их или оставишь лежать на земле.

Когда джентльмен удалился, Роан глянул на мешочек так, словно это была дохлая крыса.

– Мне они не нужны, – пробормотал он себе под нос.

– А мне пригодятся, – подскочила к нему проститутка. – Она подняла мешочек и подбросила на ладони, проверяя вес. – Господи, в жизни еще не встречала цыгана, который боялся бы денег.

– Да я не боюсь, – ответил Роан. – Они мне просто не нужны. – Вздыхнув, он потер ладонью затылок и шею.

Женщина рассмеялась и с явным восхищением окинула

взглядом его стройную фигуру:

– Я не люблю брать деньги просто так, не отработав. Не хочешь ли немного порезвиться, красавчик?

– Я ценю твое предложение, – вежливо ответил Роан, – но... нет.

Она кокетливо дернула плечом:

– Ну, как хочешь. Мне еще лучше. Прощай.

Роан кивнул в ответ и с преувеличенным вниманием уставился в одну точку перед собой. Он стоял неподвижно, словно прислушиваясь к каким-то еле различимым звукам. Потом снова потер шею и затылок и, медленно оглянувшись, посмотрел прямо на Амелию.

Когда их взгляды встретились, Амелия почувствовала, будто ее пронзило током. Хотя он стоял в нескольких шагах от нее, она на расстоянии ощутила силу его взгляда. Выражение лица Роана было ни добрым, ни злым, а, скорее, бесстрашным, словно он уже давно понял, что мир – жестокое место и надо принимать его таким, какой он есть.

Когда несколько отстраненный взгляд Роана скользнул по ее фигуре, Амелия знала точно, что именно он увидел: женщину в простой, но прочной одежде и практичных башмаках. Амелия была среднего роста, с темными волосами и чистой кожей, с румянцем во всю щеку, как у всех в ее семье. Она была немного полноватой, в то время как в моде были худоба и болезненная бледность.

Не будучи тщеславной, Амелия все же понимала, что она

хотя и не красива, но достаточно привлекательна, чтобы найти себе мужа. Но один раз она уже обожглась, и у нее не было ни малейшего желания снова рисковать. К тому же ей и без того хватало хлопот с ее беспокойным братом.

Между тем Роан от нее отвернулся и без единого слова направился к дверям клуба. Он шел не спеша, легкой походкой, будто давая себе время о чем-то поразмыслить.

Амелия подошла к двери одновременно с ним.

— Сэр... мистер Роан... вы, очевидно, управляющий этого клуба?

Он остановился и обернулся. Они оказались так близко друг от друга, что Амелия почувствовала запах разгоряченной мужской кожи. Под расстегнутым жилетом из роскошной парчи была видна белая рубашка тонкого полотна. Когда Роан поспешил застегнуть жилет, Амелия увидела несколько золотых колец на его пальцах. Ее охватила внезапная нервозность, корсет вдруг показался тесным, а воротник платья — слишком высоким.

Она заставила себя посмотреть на него в упор. Это был молодой человек лет тридцати с лицом экзотического ангела. Такая внешность определенно была создана для греха: чувственный рот, квадратный подбородок, золотисто-карие глаза под прямыми длинными ресницами. Черные тяжелые кудри спускались почти на плечи. Амелия заметила, как в одном ухе сверкнула бриллиантовая серьга.

— К вашим услугам, мисс...

– Хатауэй. – Она повернулась, чтобы представить своего спутника: – А это Меррипен.

Роан глянул на него настороженно:

– Это слово у цыган означает и «жизнь», и «смерть».

Амелия удивленно подняла брови. Она никогда не задумывалась о значении имен. Меррипен слегка передернул плечами и поморщился, всем видом показывая, что это не стоит никакого внимания.

– Сэр, – обратилась Амелия к Роану, – мы приехали, чтобы задать вам несколько вопросов...

– Я не люблю вопросов.

– Я ищу своего брата, лорда Рамзи, – упрямо продолжала Амелия, – и мне очень нужна информация... которой вы, возможно, располагаете... о том, где его можно найти.

– Я ничего бы вам не сказал, даже если бы знал. – Он говорил с небольшим иностранным акцентом и даже с намеком на аристократизм. Это был уверенный голос человека, который привык общаться с людьми самого разного сорта.

– Уверяю вас, сэр, я не стала бы причинять неудобства ни вам, ни кому-либо еще, если бы это не было абсолютно необходимо. Но прошло уже три дня, как мой брат пропал...

– Это не моя проблема. – Роан повернулся к двери.

– Он склонен водить дружбу с плохими людьми...

– Сожалею.

– Он даже, может быть, уже мертв.

– Ничем не могу помочь. Желаю удачи в дальнейших по-

исках. – Роан открыл дверь, собираясь уйти.

Его остановил Меррипен, заговоривший на языке цыган.

С тех пор как Меррипен впервые появился в их доме, Амелия лишь несколько раз слышала, как он говорил на этом языке. Язык звучал гортанно, с множеством согласных и растянутых гласных, но в нем была завораживающая музыка, связывавшая слова воедино.

Внимательно посмотрев на Меррипена, Роан прислонился к косяку двери.

– Это древний язык, – сказал он. – Я не слышал его уже много лет. Кто барон твоего племени?

– У меня нет племени.

Наступила пауза. Лицо Меррипена по-прежнему оставалось непроницаемым.

– Войдите. Я постараюсь что-нибудь узнать.

Они смогли войти в клуб без лишних церемоний. Роан приказал одному из служащих проводить их в закрытую для посторонних гостиную наверху. Амелия слышала голоса, звуки музыки и шум шагов, доносившиеся откуда-то снизу. Это был мужской улей, куда дамам вход был строго воспрещен.

Служащий отвел их в хорошо обставленную комнату и попросил подождать здесь возвращения Роана. Меррипен подошел к окну, выходившему на Кинг-стрит.

Амелию поразила неброская роскошь гостиной: голубой ковер ручной работы, обшитые деревянными панелями сте-

ны и обитая бархатом мебель.

– Вполне со вкусом, – отметила она, снимая шляпку и садясь к небольшому столику красного дерева. – Я почему-то ожидала увидеть нечто более... более кричащее и безвкусное.

– «Дженнерс» на порядок выше заведений такого типа. Он маскируется под клуб для джентльменов, хотя на самом деле здесь держат самый крупный банк в Лондоне.

Амелия встала и подошла к книжным полкам. Рассматривая книги, она спросила как бы невзначай:

– Как ты думаешь, почему мистер Роан отказался взять деньги у лорда Селуэя?

Меррипен бросил на нее саркастический взгляд:

– Вам известно, как цыгане относятся к материальному достатку.

– Да, я знаю, ваши люди не любят быть зависимыми. Но мне приходилось видеть, что цыгане не прочь получить пару монет за свои услуги.

– Дело не в желании быть независимым. Это гораздо больше. Если *chal* занимает такую должность...

– Что значит *chal*?

– Сын цыгана. Одеваться в дорогую одежду, долго оставаться на одном месте, получать такие деньги для него... стыдно. Неловко. Это противоречит его натуре.

Меррипен был так серьезен, так уверен в себе, что Амелия не удержалась и решила его поддразнить:

– А у тебя какие отговорки, Меррипен? Ты живешь в одном месте уже так много лет.

– Я другое дело. Во-первых, жизнь в вашем доме не приносит мне дохода.

Амелия засмеялась.

– Во-вторых... вашей семье я обязан жизнью.

Глядя на суровый профиль Меррипена, Амелия ощутила прилив любви к этому увальню.

– Какой же ты, право, – мягко заметила она. – Испортил мне удовольствие. Я пытаюсь тебя рассмешить, а ты все портишь своей искренностью. Ты же знаешь, друг мой, что не обязан оставаться с нами. Ты уже тысячу раз расплатился со своим долгом.

Меррипен покачал головой:

– Это было бы все равно, что бросить выводок цыплят, когда лиса неподалеку.

– Мы совсем не такие беспомощные, – запротестовала Амелия. – Я вполне могу позаботиться о своей семье. Как и Лео. Когда он трезвый.

– А когда это бывает?

Амелия было открыла рот, чтобы возразить, но не нашла, что ответить. Меррипен был прав: последние полгода Лео провел в состоянии постоянного опьянения. Бедный Лео. Она была в ужасе оттого, что ничем не могла помочь брату. Невозможно спасти человека, который не желает быть спасенным. При мысли о Лео у Амелии, как обычно, все

внутри сжалось.

Но она все же попытается.

Она стала кружить по комнате – слишком много эмоций, чтобы сидеть и спокойно ждать. Лео надо спасать. Но сколько времени займут его поиски? И когда наконец вернется Роан?

– Я выйду, чтобы оглядеться. – Амелия направилась к двери. – Я не пойду далеко. А ты оставайся здесь, Меррипен, на случай если вернется мистер Роан.

Меррипен что-то буркнул себе под нос и, не обращая внимания на ее протест, пошел за ней.

– Это неприлично, – услышала она его голос за спиной.

Амелия возмутилась. Какое ей дело до приличий?

– Это мой единственный шанс увидеть игорный клуб изнутри, и я его не упущу.

Она решительно пошла на шум голосов и отважилась выйти на галерею, окаймлявшую по третьему этажу огромный зал внизу.

Три игровых стола окружали толпы элегантно одетых мужчин, наблюдавших за игрой, в то время как крупье, орудуя специальной лопаточкой, собирали фишки и деньги. Было шумно, атмосфера в зале была наэлектризована от всеобщего возбуждения. По залу сновали служащие – одни с подносами с закусками и напитками, другие – с фишками и свежими колодами карт.

Спрятавшись за колонной, Амелия стала сверху разгля-

дивать толпу. Ее взгляд остановился на мистере Роане. Он уже облачился в черный камзол и галстук, и хотя он был одет так же, как остальные члены клуба, все равно на их фоне выделялся, как лиса среди голубей.

Роан сидел за большим письменным столом управляющего в углу зала, откуда ему был виден весь зал, и давал какие-то распоряжения служащему. Его жесты были сдержанными, голос тихим, но почему-то создавалось впечатление представления, рассчитанного на публику.

И вдруг... напряженный интерес к нему Амелии каким-то образом дошел до него. Роан поднял голову и посмотрел прямо на нее. Точно так же, как на улице. Сердце Амелии забилось сильнее, и она ощутила это биение во всех частях своего тела – в руках, и ногах, и даже в коленях. Краска залила ее лицо. Она застыла, как виноватый ребенок, застигнутый врасплох. Потом очнулась и быстро спряталась за колонну.

– В чем дело? – спросил Меррипен.

– Мне кажется, мистер Роан увидел меня. О боже, надеюсь, что он не рассердился. Давай поскорее вернемся в нашу комнату.

Рискнув выглянуть из своего убежища за колонной, она увидела, что мистер Роан исчез.

Глава 2

Кэм Роан встал из-за письменного стола и покинул игровой зал. Правда, он не мог уйти без того, чтобы его раз другой не остановили: сначала привратник шепнул ему на ухо, что лорд такой-то желает, чтобы ему увеличили первоначальный кредит, потом буфетчик спросил, надо ли пополнить запас закусок и напитков для играющих в карты. Он рассеянно отвечал на их вопросы, занятый мыслями о женщине, которая ждала его наверху.

Обычный вечер обещал стать особенным.

Уже давно ни одна женщина не вызывала у него такого любопытства, как Амелия Хатауэй. Как только он заметил ее в переулке – румяную, пышущую здоровьем, в скромном платье, облегавшем ее роскошную фигуру, он сразу почувствовал вожделение. Он даже не понял почему – ведь она была воплощением всего того, что раздражало его в англичанках.

Было очевидно, что мисс Хатауэй нисколько не сомневалась в своей способности управлять всем, что ее окружает. Обычно реакция Кэма на подобных женщин была всегда одной – бежать в противоположном направлении. Но как только он заглянул в прелестные голубые глаза Амелии и увидел крошечную морщинку на переносице, когда она нахмурилась, то вдруг почувствовал нездоровое желание схватить

ее, куда-нибудь утащить и овладеть, не церемонясь, полностью отдавшись первобытному инстинкту.

По правде говоря, нецивилизованные желания обуревали его как-то уж слишком часто. И в последнее время Кэм обнаружил, что ему все труднее с ними справляться. Он стал вспыльчив, нетерпелив и легко поддавался на провокации. То, что некогда доставляло ему удовольствие, перестало его удовлетворять. Хуже того, он заметил, что относится к своим сексуальным забавам почти с тем же равнодушием, как ко всему, что он делал в последнее время.

Найти себе женщину никогда не составляло для него труда. Кэм находил утешение в объятиях многих женщин и доводил их до нужного состояния. Однако настоящего восторга он уже давно не испытывал. Ни возбуждения, ни огня, одно лишь ощущение того, что это только отправление физиологической функции, такой же, как сон или прием пищи. Кэм был так всем этим расстроен, что даже решил обсудить проблему со своим работодателем лордом Сент-Винсентом.

Некогда ловелас, не пропускавший ни одной юбки, а теперь примерный семьянин, лорд Сент-Винсент понимал в этих делах больше многих прочих. Когда Кэм Роан мрачно поинтересовался, не является ли уменьшение сексуальной активности признаком старения – ведь его возраст приближается к тридцати годам, – лорд Сент-Винсент даже поперхнулся бренди.

– Да нет, бог с тобой, – ответил виконт, откашлявшись.

Время уже было под вечер, и они сидели в офисе управляющего, проверяя бухгалтерские книги.

Сент-Винсент был красавцем со светлыми волосами и голубыми глазами. Некоторые утверждали, что у него самые совершенные черты лица и фигура. Но это был человек с лицом ангела и душой негодяя.

– Позволь узнать, с какого рода женщинами ты спал?

– Что значит «какого рода»?

– С красивыми или проститутками?

– Думаю, что с красивыми.

– В этом-то и заключается твоя беда, – деловым тоном заявил виконт. – Простые женщины доставляют гораздо больше удовольствия. Потому что нет более возбуждающего средства, чем благодарность.

– Но ты все же женат на красавице.

Губы Сент-Винсента растянулись в улыбке:

– Жены – это совершенно другое дело. С ними приходится прилагать больше усилий, но и вознаграждение, которое получаешь, того стоит. Я рекомендую жен. Особенно своих собственных.

Кэм Роан смотрел на виконта с некоторым раздражением. Серьезный разговор с ним часто не получался из-за того, что Сент-Винсент обожал поупражняться в остроумии.

– Если я правильно вас понял, милорд, – спросил Кэм, – вы рекомендуете начать соблазнять некрасивых женщин?

– Роан, я пытаюсь понять твою проблему. – Сент-Винсент

обмакнул кончик серебряного пера в пузырек с чернилами. – Хотя я никогда не испытывал недостатка в желании. Полагаю, что оно исчезнет, только когда я буду на смертном одре. Впрочем, что я? В недалеком прошлом я уже побывал на смертном одре, но даже тогда хотел оказаться в постели со своей женой.

– Мои поздравления, – пробормотал Кэм, оставив всякую надежду получить у этого человека серьезный совет. – Вернемся к нашим книгам. Нам надо обсудить более существенные проблемы, чем сексуальные привычки.

Сент-Винсент нацарапал какую-то цифру и положил перо.

– А я настаиваю на продолжении темы сексуальных привычек. Это гораздо интереснее, чем проверять книги. – Он лениво откинулся в кресле. – Хотя ты очень осторожен и сдержан, Роан, нельзя не отметить, что ты пользуешься большим успехом у женщин Лондона. И судя по всему, ты в полной мере пользуешься своим обаянием.

Лицо Роана осталось невозмутимым.

– Простите, милорд, но к чему вы ведете?

Виконт внимательно посмотрел на Роана:

– Поскольку у тебя раньше не было подобных проблем, я могу предположить, что у тебя просто пропал аппетит – как это случается с другими вещами, – потому что ты пресытился однообразием. Тебе хочется чего-то новенького.

Выслушав это разумное замечание, Кэм подумал, не было ли у бывшего повесы желания сходить на сторону?

Кэм знал жену виконта Эви с детства, с того времени, когда она иногда приходила в клуб вместе со своим овдовевшим отцом, и относился к ней как к младшей сестренке. Никто бы не подумал, что можно соединить чистую Эви с таким развратником. И возможно, никто не был удивлен больше, чем сам Сент-Винсент, когда их брак по расчету превратился в страстную любовь.

– А как насчет семейной жизни? – тихо спросил Кэм. – Не превращается ли она со временем в перенасыщенность однообразием?

Выражение лица виконта изменилось, а взгляд голубых глаз потеплел при мысли о жене.

– Мне стало ясно, что с правильной женщиной никогда не наступает перенасыщение. Наоборот, тебе все время мало. Я был бы рад перенасытиться таким восторгом, но я сомневаюсь, что простому смертному это доступно. – Он решительно захлопнул бухгалтерскую книгу и встал из-за письменного стола. – Извини меня, Роан, но я, пожалуй, пойду.

– А как же счета?

– Оставляю их в твоих умелых руках. – В ответ на недовольную мину на лице Кэма виконт с невинным видом пожал плечами. – Роан, один из нас – неженатый человек с выдающимися математическими способностями и отсутствием всяких планов на вечер. Другой – убежденный развратник, любовное настроение которого влечет его к молодой жене, поджидающей его дома. Угадай, кому легче заняться бухгал-

терией? – Небрежно махнув рукой, виконт Сент-Винсент покинул офис.

Рекомендацией виконта была «новизна», и это определение как нельзя лучше подходило к мисс Хатауэй. Кэм раньше не встречал или просто не замечал таких женщин. Он всегда предпочитал опытных, которые относились к соблазну как к игре и никогда не смешивали удовольствие с чувствами. Кэм не представлял себя в качестве наставника невинности. Перспектива соблазнить девственницу показалась ему абсурдной. Все закончится лишь болью, слезами и жалобами. Он отверг эту идею с отвращением. Нет. Амелия Хатауэй ни за что не будет его «новенькой».

Ускорив шаги, Кэм Роан поднялся по лестнице в гостиную, где его ожидали женщина и ее смуглый спутник. Меррипен было обычным цыганским именем. Но сам парень был явно не в обычном положении. Он был вроде слуги у Амелии, но для свободолюбивого цыгана это неестественно, даже отвратительно.

Однако у Кэма и Меррипена было что-то общее. Оба они работали на гаджо¹, вместо того чтобы кочевать по земле независимыми, как того хотел Бог.

Цыган рожден не для того, чтобы жить в четырех стенах. Жить в коробках, не видеть неба, солнца и звезд, не чувствовать ветра. Дышать воздухом, отравленным запахами еды и политуры. Впервые за многие годы Кэм немного запанико-

¹ Гаджо – человек нецыганской национальности. – *Примеч. ред.*

вал: в Меррипене, как в зеркале, он разглядел себя. И ему не понравилось отражение. Кэм подавил в себе неприятное чувство и сосредоточился на том, чтобы поскорее избавиться от этой странной парочки.

Толкнув полуоткрытую дверь, он вошел в гостиную.

Мисс Хатауэй стояла посреди комнаты в напряженном ожидании, а Меррипен сидел в темном углу. Когда Кэм подошел к Амелии и посмотрел ей в глаза, он почувствовал странный прилив тепла. Ее голубые глаза смотрели на него вопросительно, губы были крепко стиснуты, темные блестящие волосы убраны в пучок.

Эти туго стянутые волосы, эта скромная одежда выдавали ее как женщину, подчинившуюся запретам. Настоящая старая дева. Но ничто не могло скрыть ее рвущейся наружу энергии. Амелия была... восхитительна. Кэму захотелось насладиться ею, как долгожданным подарком. Чтобы она лежала под ним обнаженная, чтобы ее мягкие губы припухли от его страстных поцелуев, а ее роскошное тело порозовело от желания. Он не ожидал от себя таких эмоций и постарался сделать каменное лицо, чтобы она ни о чем не догадалась.

– Ну? – потребовала Амелия. Если бы она могла сейчас прочесть мысли Кэма, то с криком бросилась бы вон из комнаты. – Вы узнали что-нибудь о том, где находится мой брат?

– Узнал.

– И?

– Лорд Рамзи был у нас в начале вечера, проиграл немного

денег в казино...

– Слава богу, он жив! – воскликнула Амелия.

– ...И возможно, решил найти утешение от потери в соседнем борделе.

– В борделе? – Амелия бросила отчаянный взгляд на Меррипена. – Клянусь, Меррипен, сегодня он примет смерть из моих рук. – Посмотрев на Кэма, она спросила: – И много он проиграл?

– Примерно пятьсот фунтов.

Ее голубые глаза сверкнули гневом.

– Смерть его будет мучительной. В каком он борделе?

– Брэдшоу.

Амелия потянулась за шляпкой:

– Идем, Меррипен. Заберем его оттуда.

Меррипен и Кэм воскликнули одновременно:

– Нет!

– Я хочу убедиться, что он в порядке. Хотя очень в этом сомневаюсь. Я не вернусь домой без Лео, – добавила она, глядя на Меррипена.

Кэм устало взглянул на Меррипена:

– Как ты думаешь, мы имеем дело с упрямством, идиотизмом или комбинацией того и другого?

Амелия вмешалась прежде, чем Меррипен успел отреагировать на вопрос.

– С моей стороны – это упрямство. А идиотизм характеризует исключительно моего брата. – Она надела шляпку и

завязала под подбородком ленты.

Ленты были ярко-красного цвета. Это яркое пятно в более чем скромной одежде казалось нелепым, даже неприличным, но оно заворожило Кэма.

– Вы не можете туда идти. Не говоря уж о приличиях и безопасности, вы ведь точно не знаете, там ли он, черт возьми!

Амелия не вздрогнула, услышав это ругательство.

– Полагаю, что у вашего заведения и борделя много общего. Вы сказали, что бордель расположен по соседству. Стало быть, невелик труд добраться туда, и все, что мне надо сделать, так это последовать за вышедшими от вас посетителями. Прощайте, мистер Роан. Благодарю вас за помощь.

Кэм загородил ей дорогу:

– Все, чего вы добьетесь, – это поставите себя в неловкое положение, мисс Хатауэй. Вы не пройдете даже в дверь. Такой бордель, как Брэдшоу, не принимает никого с улицы.

– Не ваше дело, сэр, каким образом я вызволю своего брата.

В этом она была права. Это было не его дело. Но Кэм давно так не развлекался. Ни снижение сексуальной активности, ни умелая проститутка, ни даже комната, полная голых женщин, не сумели бы заинтересовать его так сильно, как мисс Амелия Хатауэй и ее красные ленты.

– Я пойду с вами.

– Нет, благодарю, – нахмурилась она.

– Я настаиваю.

– Я больше не нуждаюсь в ваших услугах, мистер Роан.

Кэм мог бы перечислить целый ряд услуг, в которых она явно нуждалась. Он раздел ее взглядом.

– Я помогу. Вы получите своего брата и немедленно уедете из Лондона. Я считаю своим гражданским долгом ускорить ваш отъезд.

Глава 3

Хотя до борделя можно было дойти пешком, Амелия, Меррипен и Роан поехали в старой коляске и через несколько минут оказались перед фасадом здания, построенного в георгианском стиле. Амелии, которой подобное место представлялось отвратительным и жутким, вид дома показался вполне благопристойным, она была даже немного разочарована.

– Оставайтесь в коляске, – сказал Роан. – Я войду и постараюсь разузнать, где лорд Рамзи. – Взглянув на Меррипена, он строго предупредил: – Не оставляй мисс Хатауэй одну ни на минуту. Вечером здесь небезопасно.

– Еще совсем рано, – запротестовала Амелия. – К тому же мы в Вест-Энде и здесь полно хорошо одетых джентльменов. Какая может быть опасность?

– Я видел, на что способны эти хорошо одетые джентльмены. Вы упадете в обморок, если я вам о них расскажу.

– Я никогда не падаю в обморок, – возмутилась Амелия.

Роан лишь сверкнул белозубой улыбкой. Он вышел из экипажа и растворился в темноте, будто был частью ее. В свете фонарей на одно мгновение она увидела мерцание его волос и сверкнувшую в ухе бриллиантовую серьгу.

Амелия смотрела вслед Кэму и размышляла о том, к какой категории людей его следует отнести. Он не был ни

джентльменом, ни лордом, ни простым рабочим, ни настоящим цыганом. Она вспомнила, как он помогал ей сесть в коляску, и почувствовала, как по спине побежали мурашки. Ее рука была в перчатке, а его – нет, и она ощутила силу и тепло крепкой ладони. На большом пальце блестело широкое, массивное золотое кольцо – таких колец Амелия никогда не видела.

– Меррипен, что означает кольцо на большом пальце? Это такой обычай у цыган?

Меррипена, очевидно, смутил ее вопрос, он отвернулся и стал смотреть сквозь запотевшее окно на улицу. Мимо коляски прошла группа молодых людей в модных пальто и цилиндрах. Они громко смеялись и переговаривались. Двое из них остановились и заговорили с безвкусно одетой девицей.

– Оно означает независимость и свободомыслие, – ответил наконец Меррипен, продолжая смотреть на улицу. – А также определенную обособленность. Он носит его для того, чтобы напоминать себе, что он не раб того образа жизни, который ведет, и в любую секунду может изменить свою жизнь.

– А зачем мистеру Роану об этом себе напоминать?

– Потому что в вашем мире слишком много соблазнов, которым трудно противостоять.

– А зачем им противостоять? Я не могу понять, что ужасного в том, чтобы жить в приличном доме, быть обеспеченным и наслаждаться красивыми вещами, например красивой посудой или удобной мебелью?

– Gadji, – пробормотал Меррипен. Амелия знала это слово, оно означало женщину – не цыганку.

Она устало откинулась на спинку сиденья.

– Мне никогда и в голову не приходило, что я буду искать своего брата в доме, пользующемся дурной славой. Но если выбирать между борделем и трупом, плывущим вниз лицом по Темзе... – Она ужаснулась своему сравнению и приложила к губам сжатые кулачки.

– Он не умер, – мягко сказал Меррипен.

Как ей хотелось в это верить!

– Мы должны увезти Лео из Лондона. В деревне он будет в большей безопасности... неправда ли?

Меррипен пожал плечами:

– В деревне гораздо меньше соблазнов, и Лео будет труднее нарваться на неприятности.

– Человек, который так усердно ищет неприятности, может найти их где угодно, – горько вздохнула Амелия.

После долгих минут томительного ожидания наконец вернулся Роан.

– Где он? – нетерпеливо вскочила Амелия, как только цыган сел в карету.

– Здесь его нет. После того как лорд Рамзи поднялся наверх с одной из девушек и... В общем, в борделе его нет.

– Куда он пошел? Вы спросили?..

– Он сказал им, что отправляется в таверну под названием «Ад и Ведро».

– Какое милое название. Вы знаете, где это?

Роан кивнул:

– Меррипен, поезжай по Сент-Джеймс-стрит и сверни налево после третьего перекрестка.

Когда коляска проезжала мимо трех проституток, Амелия спросила, не скрывая интереса:

– Сколько им лет? Почему никакая благотворительная организация не поможет им получить достойную работу?

– В большинстве случаев эта достойная работа ничуть не лучше, – ответил Роан.

Амелия посмотрела на него с возмущением:

– Вы считаете, что зарабатывать, занимаясь проституцией, лучше, чем честной работой, которая позволяет вести достойную жизнь?

– Этого я не говорил. Только я знаю, что многие работодатели относятся к женщинам гораздо хуже, чем сутенеры и содержательницы публичных домов. Слугам приходится терпеть всякого рода оскорбления от своих хозяев, особенно служанкам. И если вы полагаете, что работа на заводе или фабрике – это достойный труд, значит, вы никогда не видели девушку, которой машиной для резки соломы отрезало несколько пальцев. Или женщину, у которой от работы на чесальной фабрике легкие так забиты пухом, очесами и пылью, что она вряд ли проживет больше тридцати лет.

Амелия открыла было рот, чтобы возразить, но передумала. Как бы ей ни хотелось продолжить этот спор, приличной

женщине – даже если она старая дева – не пристало обсуждать проблему проституции.

Она отвернулась к окну, не удостоив Роана даже взглядом, но чувствовала, что он за ней наблюдает. Роан не был ни надушен, ни напомажен, но от него исходил притягательный запах чего-то свежего, похожего на клевер.

– Ваш брат, очевидно, унаследовал титул совсем недавно, – вдруг сказал он.

– Да.

– При всем к нему уважении, мне кажется, он не совсем готов к своей новой роли.

Амелия не смогла удержаться от печальной улыбки:

– Никто из нас не был готов. Для Хатауэев это был неожиданный поворот событий. Лео был лишь четвертым в очереди на титул. Но те, что были до него, неожиданно один за другим умерли от разных причин. Похоже, что титул Рамзи укорачивает человеку жизнь. Боюсь, что мой брат при его образе жизни не протянет дольше, чем его предшественники.

– Свою судьбу никому не дано знать.

Обернувшись к Роану, Амелия увидела, что он внимательно ее изучает.

– Я не верю в судьбу. Люди сами хозяева своей судьбы.

Роан улыбнулся:

– Все, даже боги, беспомощны в руках судьбы.

Амелия глянула на него скептически:

– Конечно, вы, работая в игорном доме, знаете все о вероятностях и шансах. А это означает, что вы не можете верить в удачу или в судьбу.

– Да, я знаю все про вероятности и шансы, – согласился он. – Тем не менее я верю в удачу. – Он улыбнулся так, что у Амелии перехватило дыхание. – Я верю в магию, и в мистику, и в вещие сны. Верю, что некоторые события записаны на небесах... и даже на линиях вашей ладони.

Она смотрела на него завороченно. Он был необыкновенно красив: кожа цвета меда, черные кудри спускаются на лоб.

– А ты тоже веришь в судьбу? – спросила она Меррипена.

– Я ведь цыган, – ответил он.

Это означало, что он верит.

– Боже мой, Меррипен, я всегда считала тебя разумным человеком.

– Разумно считать, что такое возможно, мисс Хатауэй, – рассмеялся Роан. – Только потому, что вы чего-то не можете увидеть, почувствовать или понять, вовсе не означает, что этого нет.

– Никакой судьбы нет, – настаивала Амелия. – Есть лишь действие и его последствия.

Коляска остановилась в бедном квартале, разительно отличающемся от Сент-Джеймс или Кинг-стрит. На одной стороне улицы была пивная и дешевые меблированные номера, на другой – большая таверна. Пешеходы на этой улице хотя и были одеты с претензией на элегантность, но терялись в

толпе уличных торговцев, карманников и проституток.

Перед дверями таверны назревала большая драка. В воздух уже летели шляпы, трости и бутылки. Везде, где была драка, можно было с большой долей вероятности предположить, что ее затеял Лео.

– Меррипен, – обеспокоенно сказала Амелия, – ты знаешь, каков Лео, когда он выпьет. Он, наверное, в самой гуще этого столкновения. Будь добр...

Она еще не закончила говорить, а Меррипен уже встал, готовый выполнять ее приказ.

– погоди, – вмешался Роан. – Позволь мне уладить это дело.

– Ты думаешь, я не умею драться?

– Это лондонские трюшобы. Я знаком со всеми их трюками. – Роан замолчал, увидев, что Меррипен вышел из коляски. – Что ж, так тому и быть. Они выпотрошат его, как макрель на рыбном рынке Ковент-Гарден, – сказал Кэм Амелии.

Она тоже вышла из экипажа и встала рядом с Роаном.

– Уверяю вас, Меррипен умеет за себя постоять.

Роан снисходительно взглянул на нее:

– Вам лучше оставаться в коляске.

– Но ведь для защиты у меня есть вы, не так ли?

– Милая, – тихо сказал он, – возможно, я именно тот, от которого вас больше всего нужно защищать.

Он посмотрел на нее так выразительно, что у Амелии чуть не остановилось сердце. Чтобы скрыть смущение, она отвер-

нулась, но все равно слишком остро чувствовала его близость.

Меррипен бесстрашно ринулся в самую середину драки, разбрасывая драчунов, а через полминуты бесцеремонно вытащил одного из них, не переставая отбиваться от нападающих свободной рукой.

– А он молодец, – удивился Роан.

Амелия почувствовала облегчение, узнав в растрепанном драчуне своего брата.

– Слава богу!

Роан двумя пальцами взял ее за подбородок, повернул к себе лицом и сказал довольно сурово:

– Вам не кажется, что вы слишком заботитесь о своем брате, а себя подвергаете необоснованному риску? Он не делает ничего особенного. Большинство молодых лордов в его положении вели бы себя точно так же.

– Вы не знаете Лео, – ответила Амелия, потрясенная его прикосновением. Вместо того чтобы отпрянуть, она замерла, испытывая наслаждение. – Обычно он так себя не ведет. Он в беде. Он...

Роан медленно провел пальцем по красной ленте шляпки и остановился в том месте, где под подбородком был завязан узел.

– Что значит – в беде?

Она не успела ответить: Лео и Меррипен подошли к коляске. При виде брата сердце Амелии переполнили любовь

и жалость. Лео был в грязи, растерзан, но в его взгляде не было ни капли раскаяния. Любой, кто не знал Лео, подумал бы, что у него в жизни нет никаких забот. Но его когда-то веселые глаза были сейчас холодными и пустыми. Все еще было далеко до того, что он совсем опустится, но он, видимо, решил ускорить этот процесс.

– Как интересно, – небрежно заметила Амелия, – от тебя все же еще что-то осталось. – Достав носовой платок, она осторожно стерла пот и кровь с его лица. Заметив его блуждающий взгляд, она сказала: – Дорогой, я та, что стоит посередине.

– А, это ты. – Голова Лео моталась из стороны в сторону, как у марионетки. Он посмотрел на Меррипена, который помогал ему устоять на ногах. – Моя сестра. Потрясающая девушка.

– Прежде чем Меррипен посадит тебя в коляску, Лео, ты не попробуешь избавиться от кое-каких излишков?

– Конечно, нет, – был незамедлительный ответ. – Хатауэи умеют пить.

Амелия отвела с его лица грязные волосы.

– Было бы неплохо, если бы ты в будущемпил немного меньше, дорогой.

– Но, сес... – На какую-то долю секунды в пустых глазах Лео промелькнула искорка и он стал прежним Лео. – У меня такая страшная жажда.

У нее на глаза навернулись слезы, а к горлу подступил

ком. Она сглотнула и сказала ровным голосом:

– Следующие несколько дней, Лео, ты будешь утолять жажду исключительно водой или чаем. Сажай его в коляску, Меррипен.

Лео покосился на человека, помогавшего ему устоять на ногах:

– Ради бога, неужели ты отдашь меня ей на растерзание?

– Вы предпочли бы просохнуть в камере полицейского участка? – вежливо спросил Меррипен.

– Да там бы ко мне отнеслись во сто крат гуманнее, – пробормотал Лео, забираясь с помощью Меррипена в коляску.

– Не хотите, чтобы мы подвезли вас к вашему игорному дому, сэр? – обратилась Амелия к Роану. – Будет тесновато, но это не страшно.

– Нет, благодарю вас. Это недалеко. Я дойду пешком.

– Я не могу вас оставить в трущобе.

Он встал рядом с ней за экипажем – там, где их не могли видеть.

– Со мной все будет в порядке. Я не боюсь города. Погодите, стойте смирно.

Роан опять поднял ее лицо за подбородок и большим пальцем нежно провел под левым глазом. Она с удивлением почувствовала, что он стирает слезу.

– У меня от ветра всегда немного слезятся глаза.

– Сейчас нет никакого ветра.

Его рука оставалась на ее подбородке. Ее сердце так засту-

чало, что зашумело в ушах и стали почти не слышны крики, доносившиеся из таверны. Вокруг сгущались сумерки. Его пальцы скользнули вниз по шее, нащупывая место, где бился пульс, и нежно его погладили.

Амелия увидела, как потемнели его глаза.

– Мисс Хатауэй... вы уверены, что это не рука судьбы, что мы с вами сегодня встретились?

– С-совершенно уверена, – с трудом ответила она.

– И то, что скорее всего мы больше никогда с вами не встретимся?

– Никогда. – Роан был слишком большим. Слишком близко. Амелия пыталась собраться с мыслями. А когда ощутила его дыхание на своей щеке, больше вообще ни о чем не могла думать.

– Надеюсь, что вы правы. Боже меня сохрани, если когда-нибудь придется столкнуться с последствиями.

– Последствиями чего? – Ее голос был еле слышен.

– Вот этого. – Сильная рука обняла ее за шею, а губы Роана сомкнулись с ее губами.

Амелию целовали и раньше. Не так уж и давно на самом деле. Ее поцеловал человек, в которого она была влюблена. Но боль от его предательства была так велика, что Амелия поклялась впредь не позволять ни одному мужчине приближаться к ней. Но Кэм Роан не спрашивал ее разрешения и не оставил возможности протестовать. Она напряглась и положила руки ему на грудь, пытаясь оттолкнуть от себя. Но он,

казалось, даже не заметил ее сопротивления. Поцелуй был настойчивым, его рука легко обвилась вокруг талии и прижала Амелию к его мощному телу.

С каждым вдохом она все острее ощущала чуть солоноватый запах его кожи. Один поцелуй следовал за другим, и Амелия стояла как завороченная, тая от мужского прикосновения, от ласки, обещающей сладкие наслаждения.

Тихо пробормотав что-то на своем языке, Роан оторвался от ее губ, но только для того, чтобы начать целовать нежный изгиб шеи.

Когда он дотронулся кончиком языка до особенно чувствительного места, Амелия невольно задрожала. В груди, в животе, между ног вдруг появилось болезненное ощущение. Ей мучительно захотелось прижаться к нему, освободиться от множества слоев ткани, из которых состояли ее юбки. Он был так осторожен, так нежен...

Звон разбитой о мостовую бутылки вернул ее к действительности.

– Нет, – задыхаясь, прошептала она, оттолкнув его.

Он отпустил ее. Ничего не видя перед собой, она, спотыкаясь, подошла к открытой дверце коляски и опустила голову, чтобы скрыть пылающие щеки под полями шляпки.

Она поднялась на ступеньку, когда почувствовала руку Роана на своей талии. Он посадил ее и прошептал прямо в ухо:

– Latcho drom.

На языке цыган это были слова прощания. Она узнала их, потому что Меррипен научил ее некоторым словам и выражениям. От этих слов ее бросило в жар, но она, конечно, не ответила – не могла ответить, – а лишь села в коляску и подобрала юбки, чтобы можно было закрыть дверцу.

Брат и сестра Хатауэй занимали противоположные углы кареты. Первый был пьян, вторая – в оцепенении. Дрожащими пальцами она потянулась, чтобы развязать ленты шляпки, и обнаружила, что узел развязан, а концы лент висят.

То есть один конец. А другой...

Сняв шляпку, она начала с удивлением ее рассматривать. Одной ленты не хватало.

Судя по оставшимся следам, она была аккуратно отрезана.

Ленту взял он.

Глава 4

Спустя неделю все пять отпрысков семьи Хатауэй вместе с вещами были перевезены из Лондона в новое поместье в Гемпшире. Несмотря на ожидавшие их трудности, Амелия очень надеялась, что перемены скажутся благотворно на всех.

Дом в их прежнем имении Примроуз-плейс был связан со многими неприятными воспоминаниями. Все изменилось с тех пор, как умерли их родители.

Отец скончался от сердечного приступа, а мать, так и не оправившаяся после потери мужа, — через несколько месяцев. Казалось, что горе впиталось в стены и стало частью обоев, краски и дерева. Каждый раз, глядя на камин в большой гостиной, Амелия вспоминала свою мать, сидящую за рукоделием, а в саду ей мерещился отец, подрезающий свои знаменитые на всю округу розы.

Амелия безо всякого сожаления продала дом, но не из-за отсутствия сентиментальности, а скорее от ее избытка. Невозможно смотреть в будущее, когда тебе что-то постоянно напоминает о потерях.

Ее брат и сестры несколько не возражали против продажи дома. Лео вообще ничего не волновало. Если бы ему вдруг объявили, что семья намерена жить на улице, он бы лишь равнодушно пожал плечами. Уин, моложе Амелии на

несколько лет, была слишком слаба после длительной болезни, чтобы протестовать против решения старшей сестры. А Поппи и Беатрикс были юными девушками и с энтузиазмом приветствовали любые перемены.

Амелия отдавала себе отчет, что наследство свалилось на них в самый подходящий момент. Хотя у нее были сомнения, удастся ли Лео сохранить свой новый титул на достаточно долгий срок.

Дело в том, что никто не хотел быть лордом Рамзи. Для трех предыдущих лордов Рамзи титул был словно талисманом неудач и ранней смерти. Вот почему дальние родственники Хатауэев только облегченно вздохнули, когда титул перешел к Лео.

– А какие-нибудь деньги я получу? – был первый вопрос Лео, когда ему сообщили, что он станет виконтом.

Ответ был положительным. Лео получит в наследство небольшое поместье в Гемпшире и скромную ежегодную сумму, которой не хватит даже на то, чтобы подновить дом.

– Мы все равно бедны, – сказала Амелия брату, изучив письмо поверенного, где он описал поместье и доходы, которое оно приносит. – Поместье небольшое, слуги и большинство арендаторов уехали, дом ветхий, а над титулом, очевидно, висит проклятие. Все это делает поместье, говоря без преувеличения, непригодным. Однако у нас есть дальний родственник, который, хотя и спорно, предшествует тебе в ряду наследников, и мы можем попытаться отказаться от на-

следства в его пользу. Возможно, что наш прапрапрапрадед получил титул незаконно, что позволит нам заявить об утрате титула на основании...

– Я приму титул, – решительно заявил Лео.

– Потому что ты не веришь в проклятие так же, как не верю я?

– Нет, потому что я и так проклят, так что еще одно проклятие меня не пугает. Одним больше, одним меньше – какая разница?

Никто, кроме Лео, никогда не был в южном графстве Гемпшир. Поэтому по прибытии на новое место все вытягивали шеи, с интересом рассматривая поместье, теперь принадлежавшее им.

Младшие сестры, такие же темноволосые и голубоглазые, как Амелия, возбужденно обменивались впечатлениями. Но взгляд Амелии чаще останавливался на Уин. Ее заботило состояние сестры.

Уин была не похожа на других членов семьи. Она единственная унаследовала от отца светлые волосы и скрытный характер. Сестра была тихой и застенчивой и стойко переносила все трудности. Когда годом раньше в деревне началась эпидемия скарлатины, Лео и Уин серьезно заболели. Лео быстро оправился, а Уин с тех пор оставалась бледной и хрупкой. Доктор сказал, что скарлатина дала осложнение на легкие и что Уин может вообще никогда не поправиться.

Однако Амелия не хотела признавать, что Уин может

остаться инвалидом. Чего бы ей это ни стоило, она вылечит Уин.

Трудно было представить себе лучшее место для семьи Хатауэй, чем Гемпшир. Это было одно из самых красивых графств Англии – множество рек, огромные леса, луга и пустоши, поросшие вереском. Поместье Рамзи было расположено недалеко от Стоуни-Кросса – одного из крупнейших торговых городов в графстве. Этот город экспортировал скот, лес, зерно, множество сыров местного производства и дикий мед.

– Я удивлена, почему поместье Рамзи не приносит дохода? – вслух рассуждала Амелия, когда карета проезжала мимо покрытых сочной травой пастбищ. – Земля в Гемпшире такая плодородная, что здесь можно выращивать все, что душе угодно.

– Но наша земля проклята, не так ли? – спросила Поппи.

– Нет, не само поместье, а только тот, кому принадлежит титул. То есть Лео.

– О, – с облегчением вздохнула Поппи. – Тогда еще ничего.

Лео, сидевший в углу кареты, не счел нужным отреагировать. После недели вынужденного воздержания от алкоголя его глаза и голова стали ясными, но настроение ничуть не улучшилось. Меррипен и сестры ни на минуту его не оставляли, так что у Лео не было возможности пить что-то, кроме воды или чая.

Первые несколько дней после того, как Амелия отыскала его, были для Лео ужасными: он был возбужден, его все время била дрожь и окатывал пот. Но теперь, когда самое страшное было позади, он выглядел гораздо лучше. Хотя мало кто поверил бы, что Лео всего двадцать восемь лет – настолько состарил его последний год.

Чем ближе они подъезжали к Стоуни-Кроссу, тем красивее становилась местность. Мимо мелькали аккуратные черно-белые домики с соломенными крышами, мельницы, пруды, окруженные плакучими ивами, старинные церкви, построенные из камня еще в Средние века. На лугах цвели осенние крокусы, деревья шелестели желтыми и красными листьями, тучные белые овцы паслись на пастбищах.

– Как красиво, – восхищенно сказала Поппи. – Почему воздух пахнет здесь совсем по-другому, чем в городе?

– Возможно, это свиноферма, мимо которой мы только что проехали, – пробормотал Лео.

Беатрикс, которая читала брошюру, где описывался юг Англии, весело сказала:

– Гемпшир славится своими замечательными свиньями. Их кормят желудями и буковыми орешками прямо из леса, поэтому у них такой вкусный бекон. А каждый год здесь проводят соревнование производителей колбас.

– Замечательно, – кисло улыбнулся Лео. – Я надеюсь, что мы его не пропустили.

Уин, читавшая толстую книгу о Гемпшире, сказала:

– А история дома Рамзи впечатляет.

– О нашем доме написано в книге по истории?

– Только небольшой абзац, но все же наш дом упомянут.

Но это ничто по сравнению с описанием поместья графа Уэстклиффа и его дома – одного из самых величественных в Англии. По сравнению с ним наш дом просто карлик. Дом принадлежит Уэстклиффам уже почти пятьсот лет.

– Он, должно быть, уже очень старый, этот граф, – с самым серьезным видом сказала Поппи.

Беатрикс хихикнула:

– Читай дальше, Уин.

– «Рамзи-Хаус расположен в небольшом парке, в котором растут дубы и буковые деревья. Строительство дома было закончено в 1594 году. Здание славится своими длинными галереями, характерными для того периода. В более позднее время к дому было пристроено одно крыло и балльный зал».

– У нас есть балльный зал! – обрадовалась Поппи.

– И наверное, в лесу у нас есть олени! – воскликнула Беатрикс.

Лео забился поглубже в угол:

– Господи, я надеюсь, что в доме есть хотя бы уборная.

К тому времени как наемный экипаж свернул на дорогу, которая вела к дому, уже начинался вечер. Утомленные долгим путешествием, все радостно вздохнули, увидев дом с высокой крышей и кирпичными трубами.

– Интересно, как там справился Меррипен, – озабоченно

сказала Уин. Меррипен, бывший и кухаркой, и дворецким, уехал двумя днями раньше, чтобы подготовить дом к приезду семьи.

– Наверняка работал и днем и ночью, – ответила Амелия. – Проверял, как обставлены комнаты, все переделывал, отдавал приказы слугам, которые не смели его ослушаться. Я уверена, что он просто счастлив.

Уин улыбнулась. Даже уставшая и бледная, она выглядела прелестно – светлые волосы мерцали в неровном свете, лицо было словно фарфоровое. Ее профиль привел бы в восторг поэтов и художников. До нее даже хотелось дотронуться, чтобы убедиться, что она живое существо, а не статуя.

Экипаж остановился перед домом, окруженным изгородью из давно не стриженных кустов. Цветники во дворе заросли сорняками. Но это все не сложно привести в порядок, подумала Амелия. Зато фасад дома с заостренной крышей и высокими окнами выглядел совсем неплохо.

Наемный кучер опустил ступеньки кареты и помог пассажирам выйти.

Наблюдая, как ее сестры и брат выходят из кареты на дорогу, мощенную битым кирпичом, она предупредила:

– Дом и усадьба выглядят немного неухоженными, потому что здесь долгое время никто не жил.

– Не могу понять почему, – проворчал Лео.

– Но все очень живописно, – прокомментировала Уин, улыбнувшись. Долгое путешествие заметно ее утомило. Су-

дя по опущенным плечам и бледному лицу, у нее совсем не осталось сил.

Уин хотела поднять небольшой чемодан, поставленный кучером возле ступеней кареты, но Амелия подскочила к ней и, взяв чемодан, сказала:

– Ты ничего не должна нести. Пойдем в дом. Мы найдем место, где ты сможешь отдохнуть.

Холл был обшит деревянными панелями, которые когда-то были выкрашены в белый цвет, а теперь потемнели от времени. Пол был выщербленным и грязным. В глубине холла была великолепная резная каменная лестница, но ее чугунные перила заросли пылью и паутиной. Амелия заметила, что уже были предприняты попытки очистить перила, но было очевидно, что процесс займет много времени и потребует немалых усилий.

Меррипен появился из коридора, который вел из холла в глубь дома. Он был в рубашке с закатанными рукавами и без галстука. Воротник был расстегнут, обнажая смуглую кожу, блестящую от пота. Спутанные черные кудри спускались на лоб. Он широко улыбался:

– Вы опоздали на три часа.

– Что такое три часа в семье, где четыре сестры? – улыбнулась Амелия и протянула ему свой носовой платок.

Стерев с лица пыль и пот, Меррипен посмотрел на семейство Хатауэй, при этом его взгляд немного задержался на Уин.

Потом он дал Амелии полный отчет. Он нашел в деревне двух женщин и мальчика, чтобы они помогли убрать дом. Спальни более или менее приведены в порядок. Много времени заняла уборка кухни и чистка очага. Кухарка сейчас готовит еду...

Меррипен вдруг остановился и, взглянув Амелии через плечо, бесцеремонно оттолкнул ее и как раз успел подхватить Уин. Он взял ее на руки и попросил положить голову ему на плечо. Хотя он был спокоен и непроницаем, как обычно, Амелия была поражена тем, как он держал Уин на руках. Как нечто, ему принадлежащее.

– Дорога слишком ее утомила, – сказала Амелия. – Ей надо отдохнуть.

Ни один мускул не дрогнул на лице Меррипена.

– Я отнесу ее наверх.

Уин пошевелилась и открыла глаза.

– Я чувствовала себя хорошо, но потом пол подо мной покачнулся... Извините меня. Я ненавижу падать в обморок.

– Все в порядке, – уверила ее Амелия. – Меррипен уложит тебя в постель. То есть... – Амелия замешкалась. – Он донесет тебя до твоей спальни.

– Я могу сама дойти. У меня просто на минуту закружилась голова. Меррипен, пожалуйста, опусти меня на пол.

– Ну уж нет, я сам отнесу тебя, – возразил он и, не слушая ничьих протестов, пошел вверх по лестнице. Бледная рука Уин обвила его за шею.

– Беатрикс, иди с ними, – приказала Амелия, передавая ей чемодан. – Здесь ночная рубашка Уин. Помоги ей переодеться.

Беатрикс тут же бросилась выполнять распоряжение Амелии.

В холле теперь, кроме Амелии, оставались только Лео и Поппи.

– Поверенный сказал, что поместье нуждается в ремонте, – сказала Амелия. – Более правильно было бы сказать, что оно лежит в развалинах. Как ты думаешь, Лео, сможем мы его восстановить?

Совсем недавно – хотя, казалось, уже прошла вечность – Лео в течение двух лет изучал искусство и архитектуру в Высшей школе искусств в Париже. Он также работал чертежником и художником в мастерской знаменитого лондонского архитектора Роуланда Темпла. Лео считался исключительно одаренным студентом и даже подумывал о том, чтобы начать собственное дело. Теперь все эти амбиции были утрачены.

Лео окинул холл безразличным взглядом:

– Если не предпринимать капитального ремонта, нам понадобится по меньшей мере от двадцати пяти до тридцати тысяч фунтов.

Услышав эту цифру, Амелия побледнела.

– Одно очевидно. Нам необходимы богатые родственники. А это означает, что тебе, Лео, придется заняться поисками богатой наследницы. – Она бросила игривый взгляд на

Поппи: – А тебе придется заарканить виконта или по крайней мере барона.

– А как же ты? – выпучил глаза Лео. – Не вижу причины, почему бы тебе тоже не выйти замуж ради пользы семьи.

– Женщины в возрасте Амелии, – с хитрой улыбкой отважилась сказать Поппи, – уже не мечтают о романтической любви и страсти.

– Как знать, – ответил ей Лео. – Может быть, ей попадется пожилой джентльмен, которому нужна нянька.

Амелия хотела сразить обоих едким замечанием, что уже однажды была влюблена и не собирается сделать это снова. За ней ухаживал лучший друг Лео, приятный молодой архитектор по имени Кристофер Фрост, который, как и Лео, был учеником знаменитого Роуланда Темпла. Но в день, когда она поверила, что он вот-вот сделает ей предложение, Фрост неожиданно грубо порвал отношения, заявив, что влюбился в другую женщину, которая – весьма удачно – оказалась дочерью Роуланда Темпла.

– От архитектора всего можно ожидать, – мрачно прокомментировал поступок Фроста Лео, обидевшись за сестру и сожалея о потере друга. Архитекторы жили в мире мэтров и учеников и в постоянном поиске заказчиков. Все, даже любовь, приносилось в жертву ради амбиций. Они боялись упустить драгоценную возможность проявить себя в своей профессии. Женитьба на дочери Темпла обеспечивала Кристоферу Фросту не только место за его столом, но и постоянную

работу. Амелия никогда не смогла бы этого для него сделать. Она могла только его любить.

Сглотнув ком горечи, подступивший к горлу, Амелия сказала:

– Нет уж, спасибо. Я не собираюсь выходить замуж, тем более в моем возрасте.

Лео неожиданно удивил ее. Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Как знать, может быть, ты еще встретишь достойного человека, ради которого стоит отказаться от независимости, – сказал он и добавил, усмехнувшись: – Несмотря на наступающую старость.

Поцелуй Лео вернул ее память к поцелую в тени коляски, к теплым мужским рукам и шепоту: *Latcho drom...*

Лео повернулся, чтобы уйти.

– Куда ты пошел? – в отчаянии спросила она. – Лео, ты не можешь уйти. Здесь столько надо сделать.

Лео удивленно поднял брови:

– Ты заставляла меня пить несладкий чай целую неделю. Если не возражаешь, я схожу в туалет пописать...

– Я знаю по крайней мере дюжину более приличных эвфемизмов, которые ты мог бы употребить.

– Я не употребляю эвфемизмов, – бросил Лео через плечо.

– Как и вежливых слов, – сказала ему вдогонку Амелия, но он только рассмеялся.

Оставшись одна, Амелия скрестила на груди руки и тяжело вздохнула.

– Он намного приятней, когда трезвый. Жаль, что это бывает не так часто. Пошли, Поппи. Давай посмотрим, где у нас кухня.

Застоявшийся в доме воздух, пропитанный пылью, был испытанием для легких Уин. Бедняжка кашляла всю ночь. Амелия все время просыпалась, чтобы дать сестре воды, открыть окно, подложить ей под спину подушки, чтобы облегчить ее страдания. В результате наутро Амелия встала совершенно невыспавшейся.

– Ей будет лучше, если она посидит на свежем воздухе, – сказала она Меррипену. – А мы до блеска вычистим ее комнату. Надо выбить ковры и вымыть окна. Она кашляла всю ночь и очень от этого устала. У нее так болит горло, что она почти не может говорить. Я пыталась заставить ее выпить чаю, но она отказалась.

Меррипен хмуро выслушал информацию Амелии о состоянии здоровья Уин.

– Я попробую это сделать.

Амелия тупо посмотрела на него. Заявление Меррипена не должно было ее удивить, ведь он помогал выхаживать Уин и Лео, когда они болели скарлатиной. Амелия была уверена, что без него они вряд ли бы выжили.

– А вы пока составьте список продуктов, которые надо ку-

пить в деревне. Я скоро пойду туда.

Амелия кивнула:

– Может быть, мне разбудить Лео? Он мог бы помочь...

– Нет.

Амелия улыбнулась. Она прекрасно понимала, что брат может скорее помешать, чем помочь.

Спустившись вниз, Амелия позвала Фредди, деревенского мальчика, нанятого Меррипенем, чтобы он помог ей отнести за дом старинное кресло. Там они поставили кресло на выложенной кирпичом террасе, с которой открывался вид на заросший сорняками сад, окруженный высокими буками.

– Тут придется поработать, мэм, – сказал Фредди.

– Да, ты правильно заметил, Фредди. Придется все сажать заново.

Мальчику было лет тринадцать. Он был крепкий, со здоровым цветом лица и торчащими во все стороны вихрами.

– А ты любишь работать в саду? Умеешь ухаживать за растениями?

– Я помогаю маме в нашем огороде.

– А ты хотел бы стать садовником лорда Рамзи?

– А сколько вы мне заплатите, мисс?

– Двух шиллингов в неделю будет достаточно?

Фредди задумался и почесал свой облупленный нос.

– Звучит неплохо. Но вам придется спросить у моей мамы.

– Скажи, где ты живешь, и я сегодня же утром к ней схожу.

– Хорошо. Это недалеко – мы живем на самом ближнем отсюда конце деревни.

Они пожали друг другу руки, чтобы скрепить сделку, еще немного побеседовали, а потом Фредди отправился в сарай, где хранился садовый инвентарь.

Между тем Меррипен вынес из дома Уин. Она была в ночной рубашке и белом халате и закутана в большую белую шаль. Ее тонкие руки обвивали шею Меррипена. Если бы не лихорадочные пятна на щеках и ярко-голубые глаза, она выглядела бы почти бесплотной.

– ...это было самое отвратительное лекарство, – услышала Амелия ее веселый голос.

– Зато оно подействовало, – ответил Меррипен, осторожно усаживая ее в кресло.

– Но это не значит, что я прощаю тебя за то, что ты заставил меня его выпить.

– Но оно для твоей же пользы.

– Ну ты и зануда, – глядя ему в лицо и улыбаясь, сказала Уин.

– Я знаю, – пробормотал Меррипен, заботливо подтыкая одеяло со всех сторон.

Амелия обрадовалась тому, что состояние сестры улучшилось.

– Он хороший зануда. А если ему удастся убедить еще кого-нибудь из жителей деревни помочь нам привести в порядок дом, тебе придется его простить, Уин.

Все еще глядя на Меррипена, Уин ответила:

– Я верю в силу его убеждения.

Если бы так сказала другая женщина, это выглядело бы кокетством. Но Амелия была совершенно уверена, что Уин относится к Меррипену как к доброму старшему брату, не более.

Чувства Меррипена было сложно понять и невозможно увидеть под непроницаемой вечной маской.

Любопытная серая галка слетела на землю и подскочила к ногам Уин.

– Извини, – сказала ей Уин, – мне нечем тебя угостить.

– Есть чем! – раздался звонкий голос. Это была Беатрикс, в руках она несла поднос с чаем и тостами. Белый передник был надет поверх розового платья, волосы собраны в небрежный пучок.

Передник уже не подходит для Беатрикс, подумала Амелия. Девочке пятнадцать лет, и она должна носить длинные, до пола, платья. И корсет. Но последний год был таким беспокойным, что Амелия почти не обращала внимания на то, как одеты ее младшие сестры. Надо пойти с Беатрикс и Поппи к портнихе и заказать им новые платья. Представив себе длинный список расходов, который она мысленно уже составила, Амелия нахмурилась.

– Вот твой завтрак, Уин. – Беатрикс поставила поднос ей на колени. – У тебя хватит сил намазать тосты маслом, или это сделать мне?

– Хватит, спасибо. – Уин подвинула ноги и жестом пригласила Беатрикс сесть с ней рядом.

– Пока ты сидишь здесь, Уин, я буду тебе читать. – Беатрикс опустила руку в один из огромных карманов передника и, достав из него небольшую книжку, помахала ею перед Уин: – Эту книжку мне дала Филомена Парсонс, моя самая лучшая в мире подруга. Она сказала, что это захватывающая история ужасов, преступлений и мстительных призраков. Интересно, правда?

– Я думала, что твоя самая лучшая в мире подруга – Эдви-на Хаддерсфилд.

– Ах нет. То было давно, много недель назад. А теперь мы с Эдвиной даже не разговариваем. – Устроившись поудобнее, Беатрикс посмотрела на сестру. – Уин? У тебя странное выражение лица. Что случилось?

Уин поднесла к губам чашку с чаем и вдруг замерла в испуге.

Амелия проследила за взглядом Уин и увидела небольшую ящерицу, которая ползла по плечу Беатрикс. Уин вскрикнула и, подняв руки, подалась вперед.

Беатрикс скосила глаза на плечо:

– О черт! Ты должна была остаться у меня в кармане. – Она взяла ящерицу в руки и нежно погладила. – Это пятнистая песчаная ящерица, – пояснила она. – Чудо, правда? Я нашла ее вчера у себя в комнате.

Амелия молча смотрела на сестру.

– Ты хочешь, чтобы она осталась у тебя? – спросила Уин. – Но, Беатрикс, дорогая, ты не думаешь, что ей будет лучше в лесу, где она живет?

– Со всеми этими хищниками? – возмутилась Беатрикс. – Да Спотти не проживет там и минуты.

Амелия наконец обрела дар речи:

– Она и со мной проживет не дольше! Отпусти ее, Беа, или я раздавлю ее любым тяжелым предметом, который попадется мне под руку.

– Ты убьешь мое любимое домашнее животное?

– Ящериц не убивают, Беа. Их просто уничтожают. – Амелия в отчаянии обернулась к Меррипену: – Найди в деревне уборщицу, Меррипен. Бог знает, сколько еще непрошенных тварей прячутся в доме. Не считая Лео.

Меррипен тут же исчез.

– Спотти идеальна для дома, – начала спорить Беатрикс. – Она не кусается, и я уже ее приручила.

– Никаких ящериц!

– Но песчаная ящерица – это вид, обитающий только в Гемпшире, а это значит, что у нее больше прав жить здесь, чем у нас.

– Тем не менее мы не будем сосуществовать.

Прежде чем сказать то, о чем она позже наверняка пожалеет, Амелия пошла прочь. Сейчас столько дел, думала она, а тут еще Беатрикс со своей ящерицей. Беда с этими пятнадцатилетними. Вечно выбирают самый неподходящий мо-

мент для своих проблем. Впрочем, момент они не выбирают. Проблемы у них всегда.

Приподняв юбки, Амелия поднялась по парадной лестнице. Она решила сегодня не надевать корсет, поскольку никто не придет к ним с визитом и ей не придется куда-то ехать. Какое это было замечательное ощущение – свободно дышать и двигаться!

Она решительно постучала в дверь Лео:

– Вставай, соня!

В ответ из комнаты донеслась ругань.

Она лишь улыбнулась и направилась в комнату Поппи.

Амелия раздвинула занавески, подняв облако пыли, от которой у нее засвербело в носу, и чихнула.

– Поппи... апчхи!.. пора вставать.

Поппи лежала, накрывшись с головой одеялом.

– Еще немного! – раздался приглушенный ответ.

Присев на край кровати, Амелия стянула одеяло с головы своей девятнадцатилетней сестры. Поппи была сонной, на щеке отпечаталась складка от наволочки.

– Как я ненавижу утро, – пробурчала Поппи. – Ненавижу, когда меня будит человек, да еще испытывает от этого удовольствие.

– Прости, дорогая. – Амелия погладила спутанные волосы Поппи.

– М-м-м... – Глаза Поппи так и не открыла. – Как приятно. Мама всегда так делала.

– Приятно? Дорогая, я собираюсь прогуляться в деревню, чтобы попросить мать Фредди разрешить ему работать у нас садовником.

– А он не слишком молод?

– По сравнению с другими кандидатами на эту должность – нет.

– У нас нет других кандидатов.

– Вот именно. – Амелия подошла к чемодану Поппи и взяла шляпу, лежавшую сверху. – Могу я одолжить у тебя эту шляпу? Мою все еще не починили.

– Конечно... А ты идешь прямо сейчас?

– Я ненадолго.

– Хочешь, чтобы я пошла с тобой?

– Нет, дорогая, спасибо. Ты одевайся и иди завтракать. И позаботься об Уин. Сейчас с ней Беатрикс.

– Ладно, уже встаю...

Глава 5

Климат в Гемпшире был гораздо мягче, чем в Лондоне, так что день стоял прохладный и безветренный. Амелия миновала фруктовый сад. Ветки деревьев клонились под тяжестью больших зеленых яблок. Трава под яблонями была усеяна падалицей, наполовину съеденной оленями и другими животными.

Амелия сорвала яблоко с низко наклонившейся ветки и, вытерев его о рукав, откусила. Яблоко было кислое.

Мимо с жужжанием пролетела пчела, и Амелия в страхе отпрыгнула. Она всегда боялась пчел. Как ни старалась, никогда не могла справиться с паникой, охватывающей ее каждый раз, как только это проклятое насекомое оказывалось поблизости.

Из сада Амелия вышла на мокрый луг. Несмотря на то что сезон кончался, везде были видны грядки водяного кресс-салата. Местные жители употребляли в пищу эти пряные листья, известные как «хлеб бедняков», и для приготовления супов, и как начинку для жареных гусей. Надо будет собрать немного листьев на обратном пути, решила Амелия.

Короткий путь в деревню пролегал через угол поместья лорда Уэстклиффа. Когда Амелия пересекала невидимую границу между двумя поместьями, она почти физически ощутила изменения в атмосфере. Она шла по опушке леса,

такого густого, что в него едва проникал дневной свет. Корни старых деревьев уходили глубоко в плодородную землю. Амелия сняла шляпу и подставила лицо свежему ветерку.

Эта земля принадлежала Уэстклифам с незапамятных времен. Интересно, думала она, что за люди граф Уэстклифф и его семья? Наверное, свято чтят все традиции. Вряд ли они обрадуются известию, что рядом с ними в Рамзи-Хаусе поселилась такая сумасбродная семейка, как Хатауэи.

Амелия обнаружила хорошо утоптанную тропинку через лес. Из-под ног с недовольным щебетом вдруг вылетела пара каменок. Везде была жизнь: начиная от бабочек необыкновенной расцветки до сверкающих, будто искры, жуков. Она приподняла юбки, потому что земля была густо устлана опавшей листвой.

Тропинка вывела через рощицу лещины и дубков на огромное сухое поле. Поле было пустое и какое-то зловеще тихое: ни голосов, ни чириканья зябликов, ни жужжания пчел, ни стрекотания кузнечиков. Все это предупреждало об опасности, и Амелия инстинктивно напряглась. Подойдя к подножию срезанного холма, она остановилась в замешательстве перед каким-то странным сооружением: металлический желоб, опирающийся на несколько подпорок, был нацелен в небо под острым углом.

Ее внимание привлекло какое-то движение в дальнем конце поля. Двое мужчин выбежали из небольшого деревянного укрытия и что-то кричали, размахивая руками.

Еще прежде, чем она увидела густое облако дыма и сверкающий искрами след, двигавшийся по земле подобно змее в направлении металлического желоба, Амелия сообразила, что ей грозит опасность.

Что это? Ракета?

Амелия мало что знала о взрывных устройствах, но понимала, что если ракету запустили, остановить ее уже невозможно. Амелия упала в нагретую солнцем траву, прикрыла голову руками и стала ждать, когда ее разорвет на куски. Сердце почти остановилось. Но тут неожиданно на нее упало какое-то тело... нет, не упало, а набросилось. Оно полностью ее закрыло, так что она оказалась в своего рода убежище.

В то же мгновение воздух потряс оглушительный взрыв, над их головами пронеслась горячая волна, а земля под ними содрогнулась. Амелия была настолько ошеломлена, что боялась пошевелиться. В ушах стоял звон.

Ее спаситель лежал без движения и тяжело дышал ей в волосы. Хотя в воздухе стоял запах дыма, Амелия уловила приятный запах мужского одеколona, показавшийся ей знакомым. Шум в ушах понемногу утих. Она приподнялась на локтях и увидела закатанные рукава рубашки поверх мускулистых рук... на которых было что-то еще...

Это была татуировка, изображавшая черного крылатого коня с желтыми глазами. В ирландской мифологии этого коня называли «пука». Это злобное мистическое существо говорило человеческим голосом и похищало людей в самую

полночь.

Сердце Амелии и вовсе остановилось, когда она увидела массивное золотое кольцо на большом пальце.

Амелия попыталась перевернуться на спину.

Сильная рука взяла ее за локоть, помогая привстать. Знакомый голос спросил:

– Вы не ушиблись? Извините, но вы были в...

Он осекся, когда Амелия перевернулась на спину. Ее волосы растрепались и упали ей на лицо. Она хотела убрать их, но он сделал это за нее. От легкого прикосновения его пальцев по всему телу Амелии пробежала дрожь.

– Это вы... – тихо сказал он.

Кэм Роан.

Амелия отказывалась верить своим глазам. Здесь, в Гемпшире? Но это был он – карие глаза с золотистым отливом и густыми ресницами, черные волосы, грешный рот. И бриллиантовая серьга в ухе.

Роан, казалось, тоже был смущен, словно ему напомнили то, о чем он хотел забыть. Но когда он увидел растерянное лицо Амелии, его губы изогнулись в улыбке и он прижался к ее телу с дерзкой фамильярностью, которая сразу лишила ее дыхания.

– Мистер Роан... как... почему... что вы здесь делаете?

Он не сдвинулся с места, будто намеревался провести в этом положении весь день. Его вежливый ответ никак не вязался с интимностью их позы.

– Мисс Хатауэй. Какой приятный сюрприз. Я здесь с визитом у друзей. А вы?

– Я здесь живу.

– А по-моему, нет. Это поместье лорда Уэстклиффа.

– Я хотела сказать, что... не именно здесь. Я имела в виду, что живу по другую сторону леса. Мы поселились в поместье Рамзи. – Она тараторила, стараясь оправиться от перенесенного шока. – А что это был за взрыв? Что вы делали? Почему у вас на руке эта татуировка? Это ведь пука – ирландский конь...

Последний вопрос явно вызвал у него удивление. Но прежде чем он успел ответить, к ним подбежали два человека. У них тоже были закатаны рукава, а жилеты были расстегнуты.

Один из мужчин был тучным пожилым джентльменом с копной седых волос. На шее у него болтался на шнуре секстант. Второму мужчине было под сорок, он был ниже ростом, чем Роан, и в нем чувствовалась порода.

Амелия сделала попытку встать, но Роан вскочил с грацией кошки и подал ей руку.

– Как далеко она долетела? – спросил он мужчин.

– Черт с ней, с ракетой. Как себя чувствует женщина?

– С ней все в порядке.

– Впечатляет, Роан, – заметил седовласый джентльмен. – Вы пробежали расстояние в пятьдесят ярдов всего за пять или шесть секунд.

– Я ни за что не пропущу возможность запрыгнуть на красивую женщину, – ответил Роан, вызвав взрыв хохота.

Рука Роана все еще лежала чуть ниже талии Амелии, и это легкое прикосновение заставляло ее сердце учащенно биться.

Страхнув с себя руку Роана, Амелия стала поправлять растрепанную прическу.

– Зачем вы запускаете ракеты? Более того, зачем вы обстреливаете мое поместье?

– Ваше поместье? – Тот, что был моложе, прищурившись, окинул ее оценивающим взглядом.

– Лорд Уэстклифф, – вмешался Роан, – это мисс Амелия Хатауэй. Сестра лорда Рамзи.

Уэстклифф, слегка нахмурившись, церемонно поклонился.

– Мисс Хатауэй. Мне не сообщили о вашем приезде. Если бы я знал, что вы приехали, я бы оповестил вас о наших экспериментах с ракетами так же, как и других соседей.

Стало понятно, что Уэстклифф чувствует себя здесь хозяином и привык, что ему сообщают обо всем. Без сомнения, он был недоволен, что новые соседи посмели переехать в свой дом, предварительно не уведомив его об этом.

– Мы приехали лишь вчера, милорд. Я собиралась нанести вам визит, как только мы устроимся. – При обычных обстоятельствах она ограничилась бы этой фразой. Но она все еще была немного не в себе и никак не могла остановить-

ся. — Должна заметить, что в путеводителе ничего не сказано о том, что в тихом и мирном Гемпшире запускают ракеты. — Она наклонилась и начала отряхивать с юбки пыль и траву. — Полагаю, что вы недостаточно знакомы с нашей семьей, чтобы иметь основание стрелять в нас. Пока. Однако, когда мы познакомимся поближе, я не сомневаюсь, что у вас появится немало причин, чтобы привести в действие свою артиллерию.

Роан громко и заразительно рассмеялся:

— Если принять во внимание, с какой точностью мы попадаем в цель, вам не о чем беспокоиться, мисс Хатауэй.

— Роан, — попросил седовласый джентльмен, — если вам не трудно, посмотрите, куда упала эта ракета...

— Разумеется. — Роан тут же пошел на поиски.

— Быстрый малый, — одобчительно сказал старик. — Как леопард. Не говоря уже о твердой руке и железных нервах. Из него получился бы отличный подрывник.

Представившись как капитан Суонси, он объяснил Амелии, что служил в королевских инженерных войсках и увлекается ракетами, а выйдя в отставку, продолжает свою научную работу. Лорд Уэстклифф, разделяющий его увлечение, пригласил его провести эксперимент с новой ракетой у себя в поместье, где для этого достаточно свободного пространства. Лорд Уэстклифф привлек Кэма Роана к решению математических уравнений и других вычислений, чтобы оценить технические данные ракеты.

– Вы знаете, его способности просто удивительны, а по виду не скажешь.

Амелия не могла не согласиться. В ее представлении ученые мужи вроде ее отца были бледными и утомленными от долгого пребывания в кабинетах, у них были животики, очки и неряшливый вид. И уж конечно, они не были похожи на экзотических языческих принцев, носящих бриллиантовую серьгу в ухе и ирландскую татуировку.

– Мисс Хатауэй, – сказал лорд Уэстклифф, – насколько мне известно, здесь не жил ни один из Рамзи в течение десяти лет. Я не могу поверить, что в доме можно жить.

– О, он в хорошем состоянии, – небрежно солгала Амелия, призвав на помощь свою гордость. – Конечно, его надо прибрать и кое-что починить, но нам очень удобно...

Ей показалось, что она сказала это довольно убедительно, но Уэстклифф посмотрел на нее скептически.

– Сегодня вечером в моем доме будет большой ужин, – сказал он. – Приглашаю вашу семью. Для вас это будет отличная возможность познакомиться с соседями, включая ви-кария.

Ужин с лордом и леди Уэстклифф. Да поможет ей Бог!

Если бы ее семья хорошо отдохнула после долгого путешествия, если бы Лео был чуть дальше продвинут на пути к трезвости, если бы у всех у них были подходящие туалеты для визита, если бы у них было больше времени на то, чтобы изучить светский этикет... Амелия, возможно, и приняла бы

приглашение. Но при существующем положении вещей это было исключено.

– Вы очень добры, милорд, но я вынуждена отклонить ваше приглашение. Мы только что прибыли в Гемпшир, и наши вещи еще не распакованы...

– Но ужин неформальный.

Амелия предположила, что слово «неформальный» они с лордом Уэстклиффом понимают по-разному.

– Дело не только в одежде, милорд. Одна из моих сестер очень слаба, и для нее выезд будет слишком утомительным. Ей надо как следует отдохнуть после длительного путешествия из Лондона.

– Ну, тогда прошу завтра. Будет совсем немного народа и совсем неутомительно.

Он так настаивал, что уже неприлично было отказываться. Проклиная себя за то, что не осталась дома, Амелия заставила себя улыбнуться:

– Хорошо, милорд. Я очень ценю ваше гостеприимство.

В это время, тяжело дыша, вернулся Роан. Пот блестел на его лице, и оно стало похоже на отлитое из бронзы.

– Курс правильный, – сообщил он. – Сработали стабилизаторы. Ракета приземлилась на расстоянии примерно в две тысячи ярдов.

– Отлично! – воскликнул Суонси. – Но где же ракета?

Роан сверкнул белозубой улыбкой.

– Она зарылась глубоко в землю и все еще дымит. Позже

я пойду и откопаю ее.

– Да, надо будет обследовать состояние обшивки и сердечника. – Суонси раскраснелся от удовольствия. Он вытащил носовой платок и вытер лицо. – Утро выдалось захватывающим, что скажете, Уэстклифф?

– Наверное, пора возвращаться домой, капитан, – предложил Уэстклифф.

– Да, пожалуй. – Он поклонился Амелии: – Рад был познакомиться, мисс Хатауэй. И если позволите заметить, я приятно удивлен, что вы отнеслись ко всему довольно спокойно, особенно если учесть, что чуть не оказались целью неожиданного налета.

– В следующий раз, капитан, я запасусь белым флагом. Он засмеялся и попрощался с ней.

А лорд Уэстклифф обратился к Кэму Роану:

– Я провожу Суонси до дома, а вы позаботьтесь о том, чтобы доставить мисс Хатауэй в Рамзи-Хаус в целости и сохранности.

– Разумеется, – незамедлительно последовал ответ.

– Спасибо, но в этом нет необходимости. Это недалеко, и я знаю дорогу.

Но ее протест был проигнорирован. Лорд и его друг ушли, а она осталась один на один с Роаном.

– Я вовсе не беспомощная женщина, и меня не надо никуда доставлять. Кроме того, учитывая ваше совсем недавнее поведение, я буду в большей безопасности, если пойду одна.

Наступила короткая пауза. Потом он склонил голову и посмотрел на нее с любопытством:

– Недавнее поведение?

– Вы знаете, что я... – Она зарделась, вспомнив о поцелуе в темноте. – Я имею в виду то, что произошло в Лондоне.

Он сделал недоуменное лицо:

– Боюсь, что я вас не понимаю.

– Нечего притворяться, будто вы не помните! – Возможно, он поцеловал такое число женщин, что уже не помнит всех. – Вы также собираетесь отрицать, что украли ленту с моей шляпы?

– У вас живое воображение, мисс Хатауэй, – сказал он безо всякого выражения, но его глаза смеялись.

– Ничего подобного. Это у моего семейства пылкое воображение. Я единственная, кто отчаянно цепляется за реальность. Я иду домой, и не надо меня провожать. – Она повернулась и пошла быстрым шагом.

Роан, однако, ничуть не смутился и пошел рядом. Его шаги были в два раза шире, и Роану пришлось приноравливаться, чтобы Амелия не отставала. На открытом пространстве поля Роан казался еще мощнее.

– Откуда вы знаете, что это пука? – спросил Роан, ткнув пальцем в свою татуировку.

Амелия задумалась:

– Мне приходилось читать мифы Ирландии. Этот пука – злое, опасное существо. Его придумали, чтобы людям сни-

лись кошмары. Почему вы украсили себя таким рисунком?

– Мне сделали эту татуировку, когда я был совсем ребенком. Я даже не помню, когда это было.

– А с какой целью ее сделали? И что она значит?

– Моя родня никогда мне этого не объясняла. – Роан пожал плечами. – Сейчас мне, может быть, и объяснили бы. Но я уже много лет никого из них не видел.

– А если бы захотели, могли бы их найти?

– Думаю, да. Ничего невозможного нет. – Он застегнул жилет и спустил рукава, прикрыв татуировку. – Я помню, как бабушка рассказывала мне про пуку. Она пыталась убедить меня, что он существует, – она сама наверняка в это верила. Она верила в старую магию.

– А что это такое? Вы имеете в виду, что она умела предсказывать судьбу?

Роан покачал головой и сунул руки в карманы брюк.

– Нет, хотя она иногда и гадала некоторым *gadjos*. В старой магии считается, что все в природе связано и все – живое. Даже у деревьев есть душа.

Амелия была зачарована. Убедить Меррипена рассказать о своем прошлом или о цыганских поверьях было невозможно, а этот человек был готов все обсуждать.

– А вы верите в эту старую магию?

– Нет, но мне нравится сама идея. – Роан взял ее за локоть, чтобы провести вокруг какой-то кочки. Она не успела запротестовать, так как он тут же ее отпустил. – Пука не все-

гда злой. Иногда он просто озорует.

Она посмотрела на него скептически:

– Вы называете озорством, если это существо сажает вас себе на спину, взлетает в небо, а потом бросает вас в какую-нибудь канаву или болото?

– Да это все сказки. Но есть и другие. Например, некоторые считают, что пука просто хочет, чтобы вы поучаствовали в приключении... полетели бы в места, которые видели только во сне. А потом возвращает вас домой.

– Но согласно легенде, если конь забирает человека в эти ночные путешествия, человек уже никогда не бывает прежним.

– Нет. Такого не может быть.

Амелия непроизвольно замедлила шаги. В такой мягкий и солнечный день было просто невозможно идти быстро. Особенно если рядом шел такой необычный мужчина – опасный и вместе с тем обаятельный.

– Вот уж никогда не подумала бы, что встречу вас в поместье лорда Уэстклиффа. Как случилось, что вы знакомы? Полагаю, он член игорного клуба?

– Да, и к тому же друг хозяина.

– А другие гости лорда Уэстклиффа не возражают против вашего здесь присутствия?

– Вы имеете в виду, из-за того, что я цыган? – Лукавая улыбка промелькнула на его губах – Боюсь, у них нет выбора. Им приходится быть со мной вежливыми. Во-первых, из

уважения к графу. А во-вторых, многие из них вынуждены просить у меня в клубе кредит – а это означает, что я имею доступ к информации об их финансовом положении.

– Не говоря уже о том, что являетесь очевидцем всяких скандалов, – добавила Амелия, вспомнив о драке, свидетельницей которой она была.

– Вот именно.

– Все же иногда вы, должно быть, чувствуете себя неловко, потому что не принадлежите к их кругу?

– Это я чувствую всегда. Но и для моего народа я тоже чужой. Я полукровка – это называется *poshram*, – родился от цыганки и ирландца. А поскольку семейное древо идет от отца, меня даже не считают цыганом. Для цыганской женщины выйти замуж за *gadjo* – это нарушение цыганских законов.

– Вы поэтому не живете со своим племенем?

– Это одна из причин.

Амелия подумала о том, каково ему жить между двумя культурами и не принадлежать ни к одной. Никакой надежды на то, что одна из них примет тебя полностью. Но в его тоне она не уловила ни нотки жалости к себе.

– Хатауэи тоже чужаки, – сказала она. – Совершенно очевидно, что мы не приспособлены к тому, чтобы занять положение в благородном обществе. Ни у одного из нас нет соответствующего воспитания и образования. Ужин в Стоуни-Кроссе будет спектаклем, и я уверена, что после него нас просто вышвырнут.

– Вы, возможно, удивитесь, но лорд и леди Уэстклифф не придают значения формальностям. За их столом собираются самые разные люди.

Но Амелия не поверила. Высшее общество представлялось ей модным аквариумом с экзотическими рыбками. Там вращаются существа, которых ей никогда не понять. Ее семья могла бы с большим успехом жить под водой, чем принадлежать к высшему свету. Но, похоже, выбора им не оставили и придется попытаться-таки нырнуть в этот аквариум...

Амелия заметила грядку с кресс-салатом и сорвала пучок листьев.

– Как его здесь много. Я слышала, что из него получается хороший салат или соус.

– Он к тому же имеет и целебные свойства. Цыгане называют его *panishok*. Моя бабушка использовала его в качестве примочек при ушибах и растяжениях. И он мощное тонизирующее средство в любви, особенно для женщин.

– Что? – Салат выпал из рук Амелии.

– Если мужчина желает разбудить в женщине интерес к себе, он кормит ее кресс-салатом. Он стимулирует...

– Не надо мне это рассказывать! Не надо!

Роан рассмеялся, и в его глазах мелькнула насмешка.

Бросив на него предупреждающий взгляд, Амелия отряхнула с ладоней несколько прилипших листочков салата и пошла дальше.

Роан последовал за ней:

– Расскажите мне о вашей семье, Амелия. Сколько вас всего?

– Пятеро. Лео, то есть лорд Рамзи, самый старший. За ним иду я, а потом Уиннифред, Поппи и Беатрикс.

– А у которой из сестер слабое здоровье?

– У Уиннифред.

– Она всегда была такой?

– Нет, Уин была вполне здоровой до прошлого года, пока чуть было не умерла от скарлатины. – Амелия немного помолчала, вспомнив, как тяжело болела Уин. – Слава Богу, она выжила, но болезнь дала осложнения на легкие, и сейчас у нее мало сил, она очень быстро устает. Доктор считает, что она, возможно, никогда не поправится, не сможет выйти замуж и иметь детей. – Амелия сжала губы. – Но мы докажем, что доктор был не прав. Она обязательно поправится.

– Не дай бог встать на вашем пути. Вам нравится управлять жизнями других, не так ли?

– Не управлять, а помогать! Это разные вещи... Почему вы улыбаетесь?

Роан остановился, и ей пришлось повернуться к нему.

– Вы заставляете меня хотеть... – Он осекся, будто передумал говорить, и не стал заканчивать фразу.

Амелии совсем не нравилось, как он на нее смотрит: от его взгляда становилось жарко и начинала кружиться голова. Сердце подсказывало ей, что этому человеку нельзя до-

верить, что он живет только по своим правилам, а на все другое ему наплевать.

– Скажите мне, мисс Хатауэй... что бы вы сделали, если бы вас пригласили совершить ночное путешествие по земле и через океан? Выбрали бы вы эту авантюру или остались бы дома, в безопасности?

В карих глазах Роана мелькали искорки смеха, и это было не приглашение озорного мальчишки, а нечто гораздо более опасное. Амелия была готова поверить тому, что однажды ночью он может превратиться в коня-пуку и унести ее на своих крыльях...

– Дома, конечно, – сказала она рассудительным тоном. – Не надо мне никаких авантур.

– А мне кажется, что надо. Я думаю, что в минуту слабости вы сами себе удивитесь.

– У меня не бывает минут слабости. Таких, во всяком случае.

– Будут! – Смех Роана обволок девушку, как облако дыма. Амелия не посмела спросить, почему он так в этом уверен.

Сбитая с толку, она уставилась на верхнюю пуговицу его жилета. Неужели Роан с ней флиртует? Нет, скорее издевается, хочет, чтобы она выглядела душой. А если Амелия и боялась чего-то больше, чем пчел, так это выглядеть душой.

Собрав в кулак свою гордость, которая грозилась разлететься подобно семенам одуванчика на сильном ветру, она

нахмурилась и, кивнув в сторону показавшейся из-за леса крыши, сказала:

– Мы уже почти у моего дома. Дальше я пойду одна. Вы можете передать графу, что доставили меня в целости и сохранности. До свидания, мистер Роан.

Он кивнул, одарил ее своей чарующей улыбкой и стал смотреть, как она уходит. С каждым шагом, увеличивавшим расстояние между ними, Амелия должна была бы чувствовать себя безопаснее, но у нее зародилось неприятное чувство тревоги. И тут она услышала, как Роан что-то пробормотал ей вслед, что-то вроде:

– Однажды в полночь...

Глава 6

Новость о том, что они получили приглашение поужинать в доме лорда и леди Уэстклифф, была встречена домочадцами Амелии по-разному. Поппи и Беатрикс пришли в восторг, Уин, которая все еще не оправилась от путешествия в Гемпшир, вздохнув, смирилась, а Лео был искренне рад предстоящему пиршеству, которое наверняка будет сопровождаться хорошим вином.

Меррипен, однако, наотрез отказался ехать.

– Но ты же член семьи, – уверяла его Амелия, наблюдая за тем, как он прибывает отставшие от стен деревянные панели в одной из комнат. Делал он это с уверенностью настоящего мастера. – Как бы ты ни старался отрицать свою связь с Хатауэями – впрочем, винить тебя за это нельзя, – но факт остается фактом: ты один из нас, и ты поедешь с нами.

Меррипен методично забил еще несколько гвоздей:

– Мое присутствие совсем необязательно.

– Возможно, и необязательно, но ты сможешь хорошо провести время и отдохнуть.

– Нет, не смогу, – с угрюмой уверенностью сказал он, продолжая забивать гвозди.

– Ну почему ты такой упрямый? Если вдруг боишься, что с тобой там будут плохо обращаться, то вспомни, что у лорда Уэстклиффа уже гостит один цыган, стало быть, у него нет

никаких предрассудков...

– Я не люблю gadjos.

– Вся моя семья – твоя семья – gadjos. Значит ли это, что ты нас не любишь?

Меррипен не ответил, продолжая стучать молотком. Очень громко.

Амелия вздохнула:

– Меррипен, ты страшный сноб. И если вечер окажется ужасным, твой долг разделить его с нами.

Меррипен набрал в руку еще гвоздей:

– Это была неплохая ловушка. Но я все равно не пойду.

Примитивный водопровод в Рамзи-Хаусе, плохое освещение и мутные зеркала, в которых мало что отражалось, делали приготовления к визиту в Стоуни-Кросс весьма затруднительными. После того как на кухне была с трудом согрета вода, ее пришлось носить вверх по лестнице, чтобы все смогли искупаться. Все, разумеется, кроме Уин, которая лежала в своей комнате, чтобы сохранить силы.

Амелия сидела с непривычной для себя терпеливостью, пока Поппи укладывала ее волосы. Она зачесала их назад, потом заплела в толстые косы, которые прикрепила шпильками в тяжелый шиньон на затылке.

– Вот так, – с удовольствием вздохнула Поппи. – Прическа у тебя по крайней мере модная.

Как и остальные сестры, Амелия была одета в обычное

платье из голубого шелка. Фасон был достаточно простым – не слишком пышная юбка и длинные, обтягивающие рукава.

Платье Поппи было того же фасона, но только красным. Она была необыкновенно хорошенькой и живой, с тонкими чертами лица и умненькими глазками. Если бы популярность светских девушек определялась по уму, а не по приданому, Поппи была бы провозглашена первой красавицей Лондона. Вместо этого она жила в глуши, в полуразвалившемся доме, ходила в старых платьях и таскала воду и уголь как простая служанка. И ни разу не пожаловалась.

– Очень скоро мы закажем себе новые платья, – сказала Амелия, чувствуя, как ее сердце сжимается от раскаяния. – Все наладится, Поппи. Я обещаю.

– Я надеюсь, – весело откликнулась Поппи. – Мне будет необходимо бальное платье, если уж придется для пользы семьи искать богатого покровителя.

– Ты же знаешь, что я сказала это в шутку. Тебе не надо искать денежного поклонника. Только такого, который будет добр к тебе.

Поппи усмехнулась:

– Будем надеяться, что доброта и богатство не взаимоисключающие вещи. Как ты думаешь?

– Конечно же, моя дорогая.

Когда все собрались в холле, Амелия почувствовала еще большее раскаяние, увидев Беатрикс в зеленом, до щиколоток, платье и накрахмаленном белом переднике, приличе-

ствующем для девочки двенадцати, а не пятнадцати лет.

Подойдя к Лео, она пробормотала:

– Больше никаких азартных игр, Лео. Деньги, которые ты проиграл в клубе Дженнера, можно было бы потратить с большей пользой, например на приличные платья для твоих младших сестер.

– У тебя более чем достаточно денег, чтобы отвезти их к портнихе, – холодно заметил Лео. – Не делай из меня негодяя, ведь заботиться об их нарядах – это твоя обязанность.

Амелия стиснула зубы. Хотя она и обожала Лео, никто не мог так сильно и быстро разозлить ее, как он. Хорошо бы ударить его по голове чем-нибудь тяжелым, чтобы образумить!

– Та скорость, с которой ты перерыл наши семейные чемоданы, навела меня на мысль, что мне уже не с чем отправляться за модными покупками.

Сестры смотрели на них широко открытыми глазами, потому что разговор перешел в громкую ссору.

– Если тебе нравится нищенская жизнь, – кричал Лео, – это твое дело! Но я буду жить по-другому! Ты не можешь радоваться сегодняшнему дню, потому что всегда думаешь о завтрашнем. Но для некоторых людей завтра так и не наступает.

– Кто-то должен думать о завтрашнем дне! – взорвалась Амелия. – Ты эгоист и мот!

– А ты властная мегера!

Уин встала между ними, положив руку Амелии на плечо.

– Замолчите, вы оба. Зачем сердить друг друга как раз перед званым ужином? – Она улыбнулась Амелии так, что любой мог бы растаять. – Не хмурься, дорогая. Вдруг твое лицо так и останется таким?

– Если я буду долго смотреть на Лео, так и произойдет.

Лео фыркнул:

– Я удобный козел отпущения, да? Если бы ты была честнее сама с собой, Амелия...

– Меррипен! – позвала Уин. – Карета готова?

Меррипен появился в дверях. Он выглядел угрюмым и растрепанным. Было решено, что он довезет их до дома лорда Уэстклиффа, а позже за ними вернется.

– Готова. – Когда он глянул на бледную красоту Уин, выражение его лица стало еще мрачнее.

Амелия разгадала этот взгляд Меррипена. Он отказался присутствовать на вечере, потому что не хотел находиться в обществе Уин в официальной обстановке. Он пытался соблюдать дистанцию между собой и Уин, но ему не удавалось скрыть волнения.

Амелию беспокоило, что Меррипен, который никогда не проявлял открыто своих чувств, возможно, испытывает тайную и сильную любовь к ее сестре. Но Уин во всех отношениях была слишком хрупкой, слишком утонченной, слишком противоположностью Меррипена, и он это понимал.

В растрепанных чувствах после ссоры с Лео Амелия села

в карету вслед за сестрами.

В дороге все молчали. Никто из них раньше не видел таких богатых и хорошо ухоженных земель. Казалось, что каждый куст, каждое дерево были предметом особой заботы. Дом лежал среди лесов и садов, словно задремавший гигант. По четырем углам возвышались башни, обозначающие границы первоначально построенной крепости, но дальнейшие пристройки только придали дому приятную для глаз асимметрию. Светло-желтые стены со временем немного поблекли, что отличало дом особой элегантностью.

Возле дома, по краям роскошного двора, располагались конюшни и флигели для прислуги. В отличие от типичных построек такого назначения они были отделены широкими каменными арками. Стоуни-Кросс был местом, достойным королей. И насколько Амелии была известна родословная лорда Уэстклиффа, его происхождение было даже более знатным, чем у королев.

Когда карета остановилась у входа в особняк, Амелии захотелось, чтобы вечер уже закончился. В этой роскошной обстановке все их недостатки будут особенно заметны. Они будут выглядеть здесь как кучка бродяг. Амелия оглядела свой выводок. Уин надела обычную маску непрístupной безмятежности, Лео выглядел скучающим – очевидно, научился этому выражению у недавних знакомых в игорном клубе. Младшие девочки были возбуждены. Они по крайней мере хорошо проведут время, подумала Амелия, и Бог свидетель,

они это заслужили.

Меррипен помог сестрам выйти из кареты, последним появился Лео. Меррипен что-то тихо ему сказал – скорее всего дал совет не спускать глаз с Уин. Лео ответил гневным взглядом – с него было довольно критики Амелии.

– Если ты так о ней беспокоишься, – процедил он сквозь зубы, – заходи с нами в дом и будь ей нянькой.

Меррипен сощурился, но промолчал.

Отношения между двумя мужчинами нельзя было назвать братскими, но они всегда сохраняли видимость сердечности.

Меррипен никогда не претендовал на роль второго сына, несмотря на то что родители очень его любили. И в любой ситуации, когда между мальчиками возникала возможность соревнования, Меррипен обычно отступал. Лео со своей стороны всегда хорошо относился к Меррипену и даже обращался к нему за советами.

Когда Лео заболел скарлатиной, Меррипен помогал его выхаживать, был терпелив и добр даже больше, чем Амелия. Позже она сказала Лео, что он обязан своей жизнью Меррипену. Однако Лео, вместо того чтобы быть благодарным, казалось, не мог ему этого простить.

«Пожалуйста, Лео, води себя прилично», – повторяла про себя Амелия. Ей хотелось умолять об этом брата, но она промолчала и в сопровождении сестер поднялась на ярко освещенное крыльцо особняка.

Массивные двойные дубовые двери открывались в огром-

ный холл, украшенный бесценными гобеленами. Величественная мраморная лестница вела на галерею второго этажа. Даже самые отдаленные уголки холла и коридоры во внутренние помещения были освещены громадной хрустальной люстрой.

Внутреннее убранство дома было безупречно чистым, сверкающим и отполированным. Не было ничего новомодного, никаких острых углов, которые могли бы разрушить атмосферу истинного великолепия.

Именно таким, подумала Амелия, должен был выглядеть Рамзи-Хаус.

Между тем лакеи вышли, чтобы принять у них шляпы и перчатки, а пожилая домоправительница радушно приветствовала гостей. Однако внимание Амелии было приковано к идущим им навстречу лорду и леди Уэстклифф.

Облаченный в отлично сидящий на фигуре вечерний костюм, лорд Уэстклифф двигался с уверенностью заядлого спортсмена. Его лицо было скорее необычным, чем красивым. Сдержанность в проявлении эмоций выдавала человека, привыкшего быть требовательным к другим, равно как и к себе.

Не было сомнения, что такой могущественный человек, как Уэстклифф, выберет себе в жены идеальную англичанку – женщину, с детства впитавшую в себя холодную утонченность. Амелия была удивлена, когда леди Уэстклифф заговорила с явным американским акцентом – слова вылетали

из ее рта с такой быстротой, что казалось, она говорила не задумываясь.

– Вы представить себе не можете, как давно я мечтала о новых соседях. Здесь, в Гемпшире, бывает так скучно! Я буду рада познакомиться со всеми Хатауэями. – Она удивила Лео, протянув ему руку, как это обычно делают мужчины: – Лорд Рамзи, как приятно.

– К вашим услугам, миледи. – Лео не мог понять, как ему вести себя с этой женщиной.

Леди Уэстклифф и Амелии протянула руку. Амелия отвестила на крепкое рукопожатие и посмотрела в немного раскосые карие глаза графини.

Лиллиан Уэстклифф была высокой худощавой молодой женщиной с блестящими каштановыми волосами, приятными чертами лица и веселой улыбкой. В отличие от своего мужа она излучала дружелюбие, которое сразу располагало к ней.

– Вы Амелия, та самая, в которую вчера стреляли?

– Да, миледи.

– Я так рада, что граф вас не убил. Вообще-то он редко промахивается.

Дерзость жены вызвала у графа снисходительную улыбку, было видно, что он давно привык к подобным шуткам своей очаровательной супруги.

– Я не целился в мисс Хатауэй, – спокойно сказал он.

– Ты мог бы придумать себе более безопасное хобби, –

предложила леди Уэстклифф. – Например, наблюдать за птицами или коллекционировать бабочек. В общем, что-то более благородное, чем организовывать взрывы.

Амелия ожидала, что такая дерзость рассердит графа, но граф рассмеялся. Пока его жена знакомилась с членами семьи Хатауэй, он продолжал смотреть на нее с теплотой и нескрываемой нежностью.

Амелия представила сестер необычной хозяйке. Слава богу, никто из них не забыл сделать реверанс и вежливо отвечал на все прямые вопросы, на такие, например, любят ли они кататься верхом, нравится ли им танцевать, пробовали ли они местные сорта сыра и не любят ли они, так же, как и она, такие скользкие английские блюда, как угорь и свиной студень.

Все рассмеялись, когда хозяйка состроила забавную гримасу отвращения, а потом направились в гостиную, где в ожидании приглашения к ужину собралось около двух дюжин гостей. Амелия слышала, как Поппи шепнула Беатрикс на ухо:

– Она мне нравится. Ты думаешь, все американки такие экстравагантные?

Экстравагантная. Да, это слово, пожалуй, как нельзя лучше подходило леди Уэстклифф.

– Мисс Хатауэй, – спросила графиня Амелию, – граф сказал мне, что в Рамзи-Хаусе так давно никто не жил, что дом, наверное, лежит в руинах?

Прямота графини привела Амелию в растерянность.

– Ах нет. Руины – это слишком сильно сказано. Просто дом надо как следует почистить и убрать, а кое-что – починить, и... – Она замолкла, так ей стало неловко.

– Все так плохо, да? – Леди Уэстклифф смотрела на нее с откровенной симпатией.

Амелия слегка пожала плечами.

– Конечно, работы очень много, – призналась она. – Но я не боюсь работы.

– Если вам нужна помощь или совет... в распоряжении Уэстклиффа есть неиссякаемые ресурсы. Он может подсказать вам, где что найти...

– Вы очень добры, миледи, – поспешно ответила Амелия, – но вам нет нужды заниматься нашими домашними делами. – Менее всего Амелии хотелось, чтобы ее семья выглядела нищей и, не дай бог, попрошайкой.

– Вам не удастся избежать нашего вмешательства, – усмехнулась леди Уэстклифф. – Вы сейчас в сфере влияния Уэстклиффа, а это означает, что, хотите вы того или нет, вам будут советовать. И самое худшее из всего этого то, что он почти всегда прав. – Она бросила на мужа взгляд, полный любви.

Словно почувствовав ее взгляд, граф повернул голову. Между ними произошел бессловесный разговор, и он почти незаметно ей подмигнул.

У леди Уэстклифф вырвался смешок. Она повернулась к

Амелии.

– В следующем сентябре будет четыре года, как мы жена-ты. Я-то думала, что к этому времени перестану быть в него влюбленной. Но вот ошиблась. – Она лукаво улыбнулась. – Пойдемте, я представлю вас другим гостям. Скажите, с кем вы хотите познакомиться в первую очередь?

Амелия посмотрела на группу мужчин, окружавших графа, и ее внимание привлек Кэм Роан. Он, как и остальные джентльмены, был одет в черно-белый вечерний костюм, но в отличие от них он и в этом наряде выглядел экзотически и совершенно не на месте в этой благопристойной обстановке. Поймав ее взгляд, он поклонился. Она ответила тем же.

– Вы, я вижу, уже знакомы с мистером Роаном, – сказала леди Уэстклифф, заметив обмен приветствиями. – Интересный человек, не правда ли? Он очень приятен и обаятелен и только наполовину цивилизован, что мне, признаться, очень нравится.

– Я... – Амелия с усилием оторвала взгляд от Роана. Ее сердце билось беспорядочно. – Цивилизован наполовину? Это как?

– Вы же знаете все эти правила этикета, которые свято блюдет высшее общество? Мистеру Роану на большинство из них наплевать. – Леди Уэстклифф усмехнулась. – По правде говоря, и мне тоже.

– А вы давно знакомы с мистером Роаном?

– С тех пор, как лорд Сент-Винсент стал владельцем игор-

ного клуба. Мистер Роан стал своего рода протезе и Уэстклиффа, и Сент-Винсента. Вроде того, что на одном плече у него сидит ангел, а на другом – дьявол. Но мистеру Роану, кажется, удастся справляться и с тем и с другим.

– А почему оба джентльмена так им заинтересовались?

– Он необычный человек. Я не уверена, понимают ли они его. По мнению Уэстклиффа, Роан обладает выдающимся умом, но в то же время суверен и непредсказуем. Вы слышали, что он проклят удачей?

– Как это понимать?

– Что бы Роан ни делал, он не может не выигрывать. Причем кучу денег. Даже если он пытается проигрывать. Он уверяет, что у человека не должно быть так много денег.

– Так считают цыгане, – пробормотала Амелия. – Они верят в то, что человек не должен быть обременен вещами.

– Да. Я выросла в Нью-Йорке и воспитана иначе, но философия цыган нравится, в этом что-то есть. Так вот. Мистер Роан против своей воли получает процент от всех доходов клуба, и сколько бы он ни тратил на благотворительность или ни инвестировал в провальные проекты, у него неожиданно появляются доходы. Сначала он приобрел скаковую лошадь с короткими ногами – крошку Данди, – и она выиграла в прошлом апреле главный национальный приз. Потом был этот случай с фабрикой и...

– Простите?

– В восточной части Лондона была небольшая убыточная

фабрика по выпуску резины. Как раз в тот момент, когда фабрика была на грани банкротства, мистер Роан вложил в нее большие деньги. Все, включая лорда Уэстклиффа, уговаривали его не делать этого, доказывали, что он дурак и потеряет все до последнего цента...

– Чего он и добивался.

– Точно. Но к ужасу Роана, все обошлось. Директор фабрики использовал деньги Роана на приобретение патента на процесс вулканизации, усовершенствовал его, и теперь эта фабрика процветает. Я могла бы рассказать вам больше, но все это будут вариации на ту же тему – мистер Роан выбрасывает деньги на ветер, а они возвращаются к нему в десятикратном размере.

– Я бы не назвала это проклятием.

– Я тоже. – Леди Уэстклифф тихо засмеялась. – А мистер Роан называет. Это-то и смешно. Вы бы видели, какое у него было сегодня утром угрюмое лицо, когда он получил известие от своего биржевого маклера из Лондона. Новости были отличные, а он скрежетал зубами.

Взяв Амелию под руку, леди Уэстклифф стала прогуливаться с ней по комнате.

– Хотя сегодня у нас мало подходящих джентльменов, я обещаю, что, когда начнется сезон, недостатка в них не будет. Они приезжают охотиться и ловить рыбу, и мужчин всегда больше, чем женщин.

– Это хорошая новость. Я очень надеюсь, что мои сестры

найдут себе подходящих женихов.

От леди Уэстклифф не ускользнул подтекст.

– О себе вы, по-видимому, не думаете.

– Я не собираюсь выходить замуж.

– Почему?

– Я ответственная перед своей семьей. Я им нужна. – Помолчав, она добавила довольно откровенно: – Правда в том, что мне было бы невыносимо подчиниться диктату мужа.

– Я испытывала те же чувства. Но должна вас предупредить, мисс Хатауэй... жизнь иногда нарушает наши планы. Я знаю это по опыту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.